

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

4

1981

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Э. ЮСУПОВ, Х. ТУРСУНОВ

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА

Восстание 1916 г., развернувшееся на обширной территории Средней Азии и Казахстана и ставшее ярким проявлением назревавшего в царской России революционного кризиса, сыграло большую роль в революционизировании трудящихся края в предоктябрьский период. Оно явилось составной частью того могучего революционного потока, в котором благодаря огромной организаторской и политической работе партии большевиков были соединены борьба рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянская борьба за землю, национально-освободительное движение угнетенных народов России.

Огромное значение восстания 1916 г. в истории революционно-освободительного движения в Средней Азии и Казахстане получило освещение в трудах советских историков С. Брайнина, П. Г. Галузо, И. К. Додонова, Т. Я. Елеуова, А. Г. Зимы, З. Д. Кастельской, П. А. Ковалова, О. Кулнева, И. Мавляни, П. П. Меджитова, З. Раджабова, Б. Сулейменова и др.

В свое время некоторые историки пытались по-своему пересмотреть оценку восстания 1916 г. в Казахстане. Так, Ю. М. Тарасов утверждал, что это восстание следует рассматривать как реакционное, националистическое движение, которое якобы было подчинено исключительно интересам феодально-родовой верхушки, ориентировавшейся на Турцию, Германию, Персию и Афганистан¹.

Восстание 1916 г. было сложным и противоречивым. Феодально-клерикальные элементы стремились использовать народное движение в своих, реакционных целях. Ю. М. Тарасов же вместо того, чтобы отделить черное от белого, пытался очернить народное движение. Эта антинаучная тенденция была подвергнута острой критике советской исторической общественностью².

Прежние ошибки в трудах некоторых наших историков были обусловлены, в частности, влиянием вредных последствий культа личности. В дальнейшем они были преодолены. А главное, на основе глубокого изучения архивных источников советские историки сумели создать новые фундаментальные труды, правдиво освещающие историю восстания³.

¹ Тарасов Ю. О характере движения 1916 г. в Туркестане.— «Вопросы истории», 1951, № 9.

² См.: Якунин А. Ф. и Кулиев О. Восстание 1916 года в Средней Азии.— «Вопросы истории», 1953, № 3; Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период. Ташкент, 1955, с. 277—412.

³ См.: Кастельская З. Д. Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М., 1972, 146 с.; Усенбаев Қ. Восстание 1916 года в Киргизии.

З. Д. Кастельская называет восстание 1916 г. «борьбой против всего колониального режима царской России». Она пишет, что «это была национально-освободительная борьба. Восставшие массы интуитивно почувствовали, что без свержения царского ига им не освободиться и от собственных угнетателей», «в восстании 1916 года уже наметилась огромная революционная роль широких слоев дехканства, как оседлого, так и кочевого. Именно чайрикерские, батрацкие и бедняцко-средняцкие слои дехканства играли основную роль в этом восстании»⁴.

Успехи советской исторической науки за последние годы позволили дать общую оценку огромного значения восстания 1916 г. в коллективных трудах по истории СССР, союзных республик.

Так, в многотомной «Истории СССР» сказано: «Одним из основных элементов революционного кризиса 1916 года было широкое национально-освободительное движение угнетенных народов, принявшее в Средней Азии и Казахстане форму открытого восстания против колониальной позиции царизма»⁵.

Наряду с этим указывается на попытки байских сепаратистских элементов использовать народное движение в узкоклассовых целях. Показ противоречивых сторон, существовавших в движении, реакционных устремлений феодально-клерикальных элементов отнюдь не меняет и не умаляет народно-освободительного характера восстания в целом.

Значение восстания 1916 г. в освободительном движении периода первой мировой войны и в подготовке Февральской буржуазно-демократической революции нашло отражение и в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», где подчеркивается, что в годы первой мировой войны «пришли в движение и угнетенные нации. В середине 1916 года вспыхнуло восстание в Средней Азии и Казахстане, охватившее миллионы людей. Налицо было явное назревание революционного кризиса»⁶.

Между тем буржуазные фальсификаторы истории пытались и ныне продолжают исказить предпосылки, движущие силы и характер восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Общая их тенденция — стремление характеризовать восстание как якобы антирусское, исламское движение.

Так, в книге американского историка Э. Д. Сокола под названием «Восстание 1916 года в русской Средней Азии», изданной Университетом Джона Хопкинса в Балтиморе⁷, нарочито подтасовываются факты для того, чтобы изобразить восстание 1916 г. как националистическое религиозное движение «мусульман Средней Азии против русских». Э. Д. Сокол пишет, что в восстании находит, мол, свое выражение «извечная борьба ислама против неверных»⁸.

Аналогичные извращения исторической правды о восстании 1916 г. в Средней Азии допущены и в книгах иных буржуазных историков, например Чарльза Хостлера, Ричарда Пирса и др.

Фрунзе, 1967; Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 года в Казахстане (Причины, характер, движущие силы). Алма-Ата, 1977, 166 с.

⁴ Кастельская З. Д. Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане, с. 126—127.

⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Том VI. Россия в период империализма 1900—1917 гг. М., 1968, с. 618.

⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Издание пятое, дополненное. М., 1980, с. 179.

⁷ Edward Denis Sokol. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954, p. 188+XXII.

⁸ Там же. с. 14. 181.

Чарльз Хостлер объявляет все движение 1916 г. в Средней Азии и Казахстане «самым огромным антирусским восстанием»⁹.

Р. Пирс отрицает огромное историческое значение восстания 1916 г. и влияние русской революции на это движение. Извращая исторические факты, он пишет: «Как ни желательно было бы, с советской точки зрения, объяснить эти восстания провалом царского правительства — результаты их указывают и на крах попыток русского народа добиться дружбы и доверия народов Средней Азии»¹⁰.

Это явная ложь! Хорошо известно, что в ходе восстания 1916 г. народные массы Средней Азии и Казахстана еще раз воочию убедились, что своими силами, без помощи великого русского народа они не смогут освободиться от оков социального и национального гнета. И не случайно в последующих революционных битвах, в период Февраля и особенно Великой Октябрьской социалистической революции, продолжала крепнуть и развиваться дружба народов Средней Азии и Казахстана с русским народом.

Лживые утверждения всевозможных реакционных буржуазных писак по вопросу о характере восстания 1916 г., будучи беспочвенными и антинаучными, не выдерживают никакой критики и при сопоставлении с реальными историческими фактами разлагаются в прах.

Советская историческая наука подвергла аргументированной критике фальсификации буржуазных историков, искажающих народный, прогрессивный характер восстания 1916 г. и трактующих его как «антирусское, исламское движение»¹¹. Тем не менее и по сей день за рубежом продолжают появляться «новые труды» антисоветчиков. Так, недавно в западногерманском журнале «Osteuropa» была опубликована статья Франка Гольчевского «Среднеазиатская экспансия России в свете новой советской интерпретации истории». В ней повторяется старая версия буржуазных историков о восстании 1916 г. в Средней Азии как «панисламском движении». Ф. Гольчевский пишет, что советская негативная оценка касается, в частности, «большого восстания 1916 года, когда мусульмане Средней Азии отказались оказать помощь России в ее империалистической войне против исламской Турции»¹².

В качестве «доказательства» своей версии буржуазные фальсификаторы указывают на выдвижение в ходе восстания лозунга «газавата» группой феодально-клерикальных элементов. Так, описывая характер восстания в Джизакском уезде, Мануэль Саркисянц в своей статье «Русское завоевание в Средней Азии: Трансформация и привитие культуры», опубликованной в Калифорнии, в сборнике «Россия и Азия», пишет, что в Туркестане Ишан Назыр Ходжа из Джизака объявил это восстание священной войной мусульман против «неверных»¹³.

Буржуазные фальсификаторы, делая упор на выдвижение феодально-клерикальными элементами в отдельных местах лозунга «газавата», всячески стараются представить всенародное движение как ан-

⁹ Charles W. Hostler, *Turkism an the Sarts*. London, 1957, p. 148.

¹⁰ Richard A. Pirce, *Russian Central Asia, Russians in colonial Rule*. Berkeley and Los Angeles University of California press, 1960, p. 296.

¹¹ См.: Кастельская З. Д. Указ. соч.; Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Указ. соч.; Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962, и др.

¹² Golczewski Frank, *Russlands Zentralasiatische Expansion im Lichte der neueren sowjetischen Geschichtinterpretation*. — „Osteuropa“, 1980 6. S. 481—493.

¹³ Sarkisyanz Manuel, *Russian Conquest in Central Asia: Transformation and Acculturation*. — Russia and Asia, Stanford, California, 1973, p. 275—276.

тирусское, исламское. В советской литературе глубоко раскрыт подлинно народный характер восстания, в том числе в Джизакском уезде. Вместе с тем дана правдивая картина того, как реакционные феодально-клерикальные элементы безуспешно пытались использовать это движение угнетенных масс в своих корыстных целях.

Известно немало случаев, когда в определенных исторических условиях исламские лозунги использовались в освободительных движениях. В период же восстания 1916 г., когда народные массы боролись как против царизма, империалистической войны, так и против местных угнетателей, панисламские лозунги были на руку лишь реакции. Вот почему в Джизакском уезде и ряде других районов стремление сил реакции повернуть восстание в русло «газавата» потерпело провал, не будучи поддержанным народными массами.

И в современную эпоху феодально-клерикальные и прочие реакционные силы пытаются под исламскими посулами использовать в своих интересах национально-освободительное движение народов. По этому вопросу очень важное положение выдвинуто Л. И. Брежневым на XXVI съезде КПСС: «В некоторых странах Востока за последнее время активно выдвигаются исламские лозунги. Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»¹⁴.

Империалистические круги и их идеологи всеми силами стремятся очернить освободительную борьбу народов, исказить ее подлинную сущность. То они объявляют народное движение религиозным, то терроризмом. Они, как огня, боятся правды о реальном содержании освободительной борьбы угнетенных народов, которая неизбежно способствует ускорению мирового революционного процесса, ведущего в конечном итоге к победе социализма.

Руководствуясь указаниями XXVI съезда КПСС, советским историкам следует активизировать изучение истории национально-освободительного движения народов Средней Азии, процесс сближения их с решающей силой — социалистическим движением рабочего класса России, — обеспечившей победу Великого Октября, и на этой основе еще более решительно и аргументированно разоблачать буржуазных фальсификаторов истории.

Э. Юсупов, Х. Турсунов

1916 йил ҚУЗҒОЛОННИНГ ТАРИХИГА ОИД

Мақола Ўрта Осиё ва Қозғолонда 1916 йили бўлиб ўтган қўзғолон характериға бағишланган. Унда авторлар буржуа фальсификаторларининг мазкур оммавий халқ ҳаракати моҳиятини сохташтирашиға қаратилган уринишларининг пуч эканлигини ишонарли равишда асослаб беришадн.

¹⁴ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 18.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

8

1976

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

К 60-летию восстания 1916 года

Х. Т. ТУРСУНОВ

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В УЗБЕКИСТАНЕ

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость тесной связи борьбы за социализм с революционной программой по национальному вопросу. «Социальная революция,— учил В. И. Ленин,— не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»¹.

Одна из важнейших черт Великой Октябрьской социалистической революции заключалась в том, что в ней благодаря огромной идейно-теоретической, политической и организаторской работе ленинской партии слились воедино борьба рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянская борьба за землю и освободительное движение угнетенных народов России.

Исторический опыт Октября подтвердил ту неоспоримую истину, что для успеха самих национально-освободительных движений необходимо их органическое слияние с революционным рабочим движением. Именно под руководством российского пролетариата во главе с Коммунистической партией борьба угнетенных народов, в том числе узбекского народа, против всякого социального и национального гнета привела их к полному освобождению, открыла дорогу к новой жизни, к социализму.

Путь угнетенных народов Узбекистана к свободе был долгим и сложным. Их длившееся десятилетиями национально-освободительное движение против гнета царизма, помещиков и капиталистов, равно как и борьба против «своих» эксплуататоров, прошли через ряд ступеней, видоизменяясь по своим масштабам и характеру.

На созревание исторических предпосылок Октябрьской революции в Средней Азии и Казахстане большое влияние оказало народное восстание 1916 г., означавшее качественно новую ступень в развитии национально-освободительного движения угнетенных царизмом народов края.

История национально-освободительной борьбы народов Средней Азии, в том числе Узбекистана, в общих чертах отражена в коллективных трудах по истории Средней Азии и Узбекистана², а также в ряде

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 112.

² Национально-освободительное движение в Узбекистане. Под ред. И. К. Додонов, Ташкент, 1947; История Узбекской ССР, т. 2, Ташкент, 1968 (гл. XII «Узбекистан в период первой мировой империалистической войны», стр. 511—594); Победа Октября в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1967; История коммунистических организаций Средней Азии, Ташкент, 1967 (гл. 1 и 2, стр. 13—189); Очерки Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1974 (гл. 1, стр. 15—36); История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. Под ред. акад. АН УзССР И. М. Муминова, Ташкент, 1974, стр. 183—189, 210—240; История Каракалпакской АССР, т. 1, Ташкент, 1974, и др.

специальных монографий. Имеются и исследования, непосредственно посвященные восстанию 1916 г.³

Национально-освободительное движение в Узбекистане тесно переплеталось с освободительной борьбой других народов России. В этой связи в изучении истории и характера национальных движений в Узбекистане важное значение имеют, наряду с обобщающими трудами по истории СССР, работы историков братских республик Средней Азии и Казахстана⁴.

Таким образом, советская историография достигла значительных успехов в изучении восстания 1916 г. в Узбекистане и других районах Средней Азии, а также в Казахстане. Тем не менее многие вопросы истории национальных движений в крае продолжают оставаться слабо исследованными.

В опубликованных трудах, в том числе и в наших работах, восстание 1916 г. рассматривается в недостаточно тесной связи с общим революционным процессом, назревавшим в России. Мало внимания уделяется историческим последствиям и значению восстания. Не развернута принципиальная научная критика домыслов буржуазных фальсификаторов, искажающих историю и характер национальных движений.

Известно, что буржуазные историки всеми силами стремятся доказать, якобы Великая Октябрьская социалистическая революция в Средней Азии не имела социально-политической почвы, а национальные движения народов края будто бы были направлены «вообще против русских». При этом игнорируются подлинно народно-освободительные движения, развивавшиеся под благотворным влиянием революционной борьбы русского рабочего класса, и всячески раздуваются мнимые «национальные» устремления реакционной национальной буржуазии, феодально-клерикальных элементов.

Изучение истории восстания 1916 г. позволяет глубже раскрыть процесс развития национально-освободительного движения народов Средней Азии как одной из важных предпосылок победы Великого Октября.

Восстание 1916 г было обусловлено всей социально-экономической и политической обстановкой в колониальном Туркестане. Жестокий национальный и социальный гнет десятилетиями накапливался в народных массах глубокое возмущение и ненависть к царизму и местным эксплуататорам.

В дореволюционном Узбекистане господствовал феодальный строй, опутанный, особенно в кочевых районах, сетью патриархально-родовых пережитков. Царизм стремился сохранить Среднюю Азию и Казахстан в качестве аграрно-колониального придатка, огромного рынка сбыта и источника сырья для российской промышленности, для выгодной продажи хлеба русских помещиков. Эти обширные колониальные владения

³ З. Д. Кастельская. Восстание 1916 г. в Узбекистане, Ташкент, 1937; ее же. Основные предпосылки восстания 1916 г. в Узбекистане, М., 1972; П. А. Ковалев. Восстание 1916 г. в Средней Азии и русская буржуазия, Труды САГУ, новая серия, вып. 45. Гуманитарные науки, кн. 5, Ташкент, 1953; его же. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916—май 1917 гг.), Ташкент, 1957; Х. Т. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1962; его же. 50 лет восстания 1916 года в Узбекистане, Общественные науки в Узбекистане, 1966, № 7; его же. Узбекистонда 1916 йил халқ кўзғолони, Тошкент, 1966.

⁴ Б. И. Искандеров. Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии, Известия АН ТаджССР, Отделение общественных наук, 1967, № 1; З. Ш. Рашидов. Восстание 1916 г. в Ходжентском уезде, Душанбе, 1955; его же. Восстание 1916 г. и его историческое значение, Известия АН ТаджССР, Отделение общественных наук, 1967, № 1; К. Усенбаев. Восстание 1916 г. в Киргизии, Фрунзе, 1967, и др.

были и районами приложения российского и иностранного капитала, объектами колонизации обширных земельных массивов.

Экономические и политические цели царизма в Средней Азии были сформулированы еще в отчетах сенатора К. К. Палена. «Если не считать мотивов политического характера, имевших значение при завоевании Туркестана,— писал он,— этот край, с первых же дней присоединения его к России, представлял для русского правительства двоякий интерес: 1. с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства и 2. с точки зрения колонизационной политики, как новая область для перемещения избытков населения из центральных губерний».

К 1916 г. Узбекистан продолжал оставаться отсталой аграрно-колониальной окраиной царской России. Более 85% населения здесь было занято в сельском хозяйстве. Промышленность развивалась медленно, однако, лишь постольку, поскольку это вызывалось интересами царизма, российского и иностранного капитала. Создавались только отрасли по первичной очистке и обработке сырья: хлопкоочистительная, коконосушильная, кожевенная, мясная, пищевая, а также некоторые отрасли горной промышленности.

подавляющее большинство населения края было неграмотным. Удельный вес грамотных не превышал 1,5—2%. Держать коренное население в невежестве и бесправии, чтобы легче было эксплуатировать его, не давая возможности приобщаться к передовой русской культуре, к общественной жизни и революционному движению в России, чтобы разъединить и ослабить революционное и национально-освободительное движения,— такова была суть колониальной политики царизма. Бывший туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин признавал: «50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни».

Народы края были лишены элементарных политических прав. Дореволюционное административное деление Узбекистана, проведенное в интересах колониальной политики царизма, противоречило сложившимся здесь экономическим и национальным отношениям. По признанию первого туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана, административное деление Туркестана, проведенное царским правительством, не соответствовало ни территориальным, ни этнографическим, ни бытовым условиям края.

В результате народы Средней Азии оказались разобщенными между отдельными губерниаторствами, областями царской России, а также Бухарским и Хивинским ханствами, что существенно тормозило процесс их национальной консолидации.

Царское правительство опиралось в своей политике не только на огромную армию и колонизаторские элементы — чиновничество, русскую буржуазию, казачество, кулаков, но и на имущие слои коренного населения — баев, биев, манაпов и др. Из их числа была создана так называемая «туземная» администрация, также служившая опорой колониальной власти.

Сенатор К. К. Пален, ревизовавший Туркестанский край в 1908—начале 1909 г., с циничной откровенностью отмечал, что «русские административные органы находят для себя очень удобными управлять, имея дело не со всею массою населения, а с теми же, в сущности, мананами, султанами и баями, присутствие коих обеспечивает исполнение велений правительства в степи».

В то же время туземная администрация, будучи орудием эксплуатации бедноты со стороны имущих слоев — крупных землевладель-

цев, духовенства, местной буржуазии,— пользовалась их поддержкой.

Подавляющее большинство дехкан и скотоводов находилось в крайне бедственном положении. На одно сеющее дехканское хозяйство приходилось от 2 до 6 десятин земли. В целом же 73,8% хозяйств на богарно-поливных землях и 84,9% на поливных были мелкими, парцеллярными, а многие тысячи дехкан вовсе не имели земли. Наиболее плодородные земли принадлежали небольшой группе богатых хозяйств.

Невыносимым бременем ложились на плечи трудящихся многочисленные налоги и повинности. Поземельный и промысловый налоги, налог с кибиток, земский сбор и другие росли из года в год. Тяжесть их усугублялась произволом и злоупотреблениями местной администрации и эксплуататорской верхушки кишлака.

Растущий социальный и национальный гнет вызывал сопротивление со стороны широких народных масс. Они неоднократно выступали против колонизаторов и «своих» эксплуататоров. Освободительная борьба народов Средней Азии и Казахстана особенно усилилась под благотворным влиянием первой русской революции, пробудившей к политической жизни широкие массы угнетенного Востока.

Социально-экономический и национальный гнет, которому подвергались народы колониальных окраин России, еще более обострился в период первой мировой войны.

Резко повысились налоги, возросли многочисленные повинности. Поземельный налог в Туркестанском крае в 1914 г. увеличился вдвое. Значительно повысился и промысловый налог, который всей своей тяжестью пал на плечи ремесленников-кустарей. Вдвое были увеличены оклады кибиточной подати, взимаемые с кочевого населения. Был установлен дополнительный военный налог на хлопок.

Сильно возросли земские, дорожные и другие сборы с дехкан и мелких арендаторов, а также поборы со стороны волостных управителей, старшин и других должностных лиц. Широко практиковались так называемые «пожертвования» и реквизиции «на нужды войны». Согласно докладу А. Н. Куропаткина, в Туркестанском крае было реквизировано 70 тыс. лошадей, 12 тыс. верблюдов, более 13 тыс. юрт, свыше 30 тыс. кв. аршин кошмы, 300 тыс. т мяса, 3 млн. пудов хлопкового масла и т. п.⁵

Война пагубно сказалась на всей экономике края. Резко упала урожайность хлопчатника, зерновых и других сельскохозяйственных культур. В 1915 г. почти половине сельского населения не хватало хлеба. Многие бедные кочевники и переселенцы уже к январю 1915 г. израсходовали все свои продовольственные запасы. Для покупки хлеба они вынуждены были продавать свое имущество — скот, сельскохозяйственные орудия, постройки и др.

Растущая политическая борьба пролетариата промышленных центров страны оказывала революционизирующее влияние на ее окраины. Общее недовольство охватывало широкие массы Степного и Туркестанского краев. Например, в донесении начальника Кокандского отделения жандармского управления (ноябрь 1915 г.) говорилось, что «слухи о войне, дороговизне жизни и забастовках... еще более нервнируют население..., нужда растет, а вместе с ней и недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возмущение. Вне всякого сомнения, что левый политический элемент старается использовать настоящее положение вещей в целях дискредитирования власти». С большой тревогой

⁵ Восстание 1916 года в Туркмении, Ашхабад, 1938, стр. 218.

упоминал он и о том, что в край «стало больше поступать газет с.д. направления».

Заметно усилились волнения в кишлаках и аулах, что нашло свое выражение в неповиновении распоряжениям властей, отказе от уплаты податей и выполнения ирригационных повинностей, самовольном захвате воды у баев и др.

Вся социально-экономическая и политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане свидетельствовала о надвигающейся революционной буре. В этой напряженной обстановке 25 июня 1916 г. был объявлен царский указ о мобилизации мужского «инородческого» населения для оборонительных работ. Всего было намечено призвать на военно-тыловые работы в Туркестанском крае 250 тыс., а в Степном (Казахском) крае — 140 тыс. человек из коренных национальностей. Царский указ послужил одной из серьезных причин и непосредственным поводом восстания, которое давно назревало и было подготовлено всем ходом социально-экономического и политического развития края. Продиктованная чуждыми народным массам целями империалистической политики царизма мобилизация трудоспособного мужского контингента грозила местному населению, и без того задавленному многочисленными налогами и поборами, полным разорением.

Набор тыловых рабочих имел явно выраженную социальную подоплеку. В интересах эксплуататорских групп, в частности представителей «туземной» администрации, колониальные власти разработали разъясняющие царский указ инструкции, согласно которым волостные управители и их джигиты (вооруженная охрана), духовенство, так называемые «почетные граждане» и некоторые другие категории имущих слоев населения освобождались от набора. Кроме того, любой человек мог нанять другого и послать вместо себя на работу по наряду, чем и воспользовалась эксплуататорская верхушка.

Колониальные и местные власти получили еще больший простор для всяких злоупотреблений и произвола. Даже туркестанский генерал-губернатор был вынужден отметить «целый ряд возмутительных вымогательств, доходивших до арестов отдельных туземцев, не желавших подносить требуемую сумму, которой можно было бы откупиться от наряда».

Все это усиливало ненависть трудящихся масс к царским колонизаторам, местной администрации и эксплуататорским элементам. Начальник Туркестанского охранного отделения в своем донесении в начале июля 1916 г. сообщал, что «среди туземного населения замечается сильное возбуждение вследствие распространившегося слуха, что состоятельным и интеллигентным туземцам будет предоставлена возможность сделать денежный взнос взамен личной явки по набору в команды для окопных работ. В чайханах и тому подобных заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится самосудом с богачами»⁶.

Вот почему первые же распоряжения властей «о безотлагательном составлении списков мужчин-туземцев в возрасте от 19 до 31 года» вызвали возмущение трудового населения. «Брожение росло,— писал военный губернатор Самаркандской области генерал Лыкошин,— драки и убийства вспыхивали то в одном месте, то в другом, угрозы и увещания местных властей не действовали, разъяснениям не доверяли, пока, наконец, все это не вылилось в форму открытого восстания против русского правительства».

⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 60.

А. Н. Куропаткин также признавал, что с самого начала объявления о наборе местное население «довольно нервно отнеслось к этому распоряжению», и «вслед за объявлением реквизиции рабочих начались беспорядки», которые приняли серьезный оборот, охватывая область за областью.

Начавшись с выступления трудящихся Ходжента 4 июля 1916 г., восстание вскоре охватило всю Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Семиреченскую, Закаспийскую области Туркестана и Степной край с их более чем 10-миллионным населением.

Стремясь подавить выступления народных масс, власти категорически запретили местному населению «собираться толпами». Было отдано даже распоряжение не продавать железнодорожные билеты коренному населению, за исключением тех «благонадежных», которые представляли специальные удостоверения от уездных начальников. В связи с развитием событий, принявших угрожающие для царизма характер и масштабы, царским указом от 17 июля 1916 г. Туркестанский военный округ был объявлен на военном положении.

Народное восстание проходило в различных формах — от демонстраций протеста, возмущений, ухода рабочих с предприятий, а батраков — из байских и кулацких хозяйств — до открытых массовых выступлений. Оно носило национально-освободительный характер и было направлено против национально-колониального и социального гнета, представляя собой часть общей борьбы народов России против войны и царского самодержавия.

Основной движущей силой восстания были трудящиеся кишлака и аула — дехкане и скотоводы, а потому оно обрело и характер антифеодальной крестьянской войны. Активное участие в восстании приняли также трудящиеся городов — местные рабочие, полупролетарские элементы, ремесленники, представители демократической интеллигенции.

В ходе восстания из народной среды выдвинулись подлинные вожаки масс — Ачил Бабаджанов, Юлчи Ибрагимов, Гулям Камалов и многие другие.

Одной из характерных особенностей восстания, свидетельствующих о его всенародном характере, было широкое участие в нем женщин, веками находившихся в рабском положении в обществе и семье.

Национальная буржуазия, феодально-байские элементы и мусульманское духовенство сыграли в восстании реакционную, предательскую роль. Находясь в зависимости от царизма и русской империалистической буржуазии, боясь широкого размаха революционного освободительного движения, национальная буржуазия открыто перешла в лагерь реакции.

Восстание серьезно обеспокоило царское правительство, которое принимало лихорадочные меры к усилению гарнизонов в Туркестане и созданию карательных отрядов, перебрасывало сюда воинские части из внутренних губерний России. Против повстанческого движения были направлены 14 батальонов солдат, 33 сотни казаков, 10 орудийных и пулеметных расчетов.

Народное восстание было жестоко подавлено. Однако сопротивление широких масс помешало царскому правительству осуществить в полном объеме набор рабочих на военно-тыловые работы. На 1 марта 1917 г. из Туркестана было отправлено 123 тыс. рабочих-тыловики⁷, т. е. менее половины первоначального плана набора.

⁷ П. А. Ковалев. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, Ташкент, 1957, стр. 82.

Поражение восстания 1916 г. показало, что народы Средней Азии сами, без руководства и помощи русского рабочего класса, не могли бы освободиться от социального и национально-колониального гнета. Только победа Великого Октября избавила их от всех форм социального и национального гнета и открыла широкую дорогу к новой жизни, к социализму.

Развернувшееся на обширной территории колониальных окраин Российской империи восстание влилось в общее русло революционного кризиса, назревавшего в стране в годы первой мировой войны. Восстание сыграло большую роль в пробуждении классового, политического сознания трудящихся края в предоктябрьский период. Объективно оно явилось отзвуком того неодолимого революционного процесса, в ходе которого благодаря идейной, политической и организаторской работе ленинской партии большевиков все более соединялись борьба рабочего класса за социализм, всенародное движение за мир, крестьянская борьба за землю, национально-освободительное движение угнетенных народов России.

Самым важным политическим последствием восстания было огромное влияние его на дальнейший ход событий периода подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии и Казахстане. И в этом большую роль сыграли так называемые «тыловые рабочие», прошедшие большую школу классовой революционной борьбы в России, где представители коренного населения Туркестана общались с русскими рабочими-революционерами, большевиками-ленинцами. По возвращении на родину передовая часть «тыловиков» стала носителем идеологии революционного пролетариата.

Все эти факты неопровержимо свидетельствуют об активном участии трудящихся местных национальностей в общереволюционной борьбе, опровергая измышления буржуазных фальсификаторов об «экспорте» Октябрьской революции из России при «пассивности» трудящихся коренных национальностей.

Таким образом, национально-освободительное восстание народов Средней Азии и Казахстана 1916 г. имеет огромное историческое значение, и дальнейшее всестороннее изучение, глубокое освещение его весьма важны как в научном плане, так и в практическом отношении, в деле воспитания трудящихся, особенно молодежи, в духе пролетарского интернационализма, боевых, революционных традиций народов нашей страны.

Х. Т. Турсунов

ЎЗБЕКИСТОНДА 1916 ЙИЛГИ ХАЛҚ ҚҰЗҒОЛОНИ

Урта Осиё ва Қозоғистон халқлари миллий-озодлик ҳаракатининг 60 йиллигига боғишланган мазкур мақолада ана шу халқ қўзғолонининг сабаблари, характери, ҳаракатлантирувчи кучлари ҳамда унинг тарихий аҳамияти баён этилади.

Х. З. Зияев

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА КАК ЦЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Как известно, изучение истории восстания 1916 г. основывается главным образом на архивных собраниях, состоящих из официальных документов (рапортов и донесений чиновников, судебных материалов и т. п.), которые при всей своей значимости не в состоянии раскрыть во всей полноте причины и ход восстания. В этой связи важным источником служат воспоминания самих участников восстания. К сожалению, в свое время данному вопросу не уделялось должного внимания. Некоторые шаги в этом направлении были сделаны лишь в 50-х годах, когда еще здравствовали отдельные участники восстания. В 1956 г. автор этих строк побывал в Маргилане, Андижане и прилегающих кишлаках и провел определенную работу по сбору воспоминаний участников восстания¹.

Причины восстания в Ферганской области, как и в других местностях Узбекистана, крылись в жесточайшем национально-колониальном гнете и эксплуатации трудящихся масс царскими колонизаторами и местной господствующей верхушкой. Об этом единодушно говорили наши информаторы — участники восстания. Так, один из них, Таджикибай Мадалиев (род. 1892 г.), первоначально приговоренный царским судом к смертной казни², рассказывал, что «в городе Маргилане и в окружающих его кишлаках тысячники, сотники, пятидесятники, ростовщики, духовенство и другие бан жестоко угнетали бедняков. В особенно тяжелом положении находились чайрикеры, обрабатывавшие землю баев. За свой изнурительный труд они получали 5 тилла (19 рублей в переводе на современные деньги) в год. В результате, находясь в весьма тяжелом состоянии, они вынуждены были брать в долг у бая или ростовщика. Однако они не могли рассчитаться с долгами и до конца жизни работали, как рабы»³.

Положение широких масс изнывавшего под двойным гнетом трудового дехканства особенно ухудшилось в условиях империалистической войны, крайне обострившей все социальные противоречия в царской России, в том числе на ее колониальных окраинах. И вполне естественно, что главной движущей силой антиколониального и антифеодального народного восстания 1916 г. в Туркестане стали малоземельные и безземельные дехкане — основная масса трудового населения края.

О тяжелой участи мелких дехканских хозяйств интересные сведения дал упомянутый выше Таджикибай Мадалиев. «Я и отец, — говорил

¹ Х. З. Зияев. Материалы по восстанию 1916 года в Маргилане и Андижане, 1956, рукописный фонд Института истории АН УзССР, инв. № 558, стр. 118.

² Впоследствии смертная казнь ему была заменена каторжными работами.

³ Х. З. Зияев. Указ. ркп., стр. 8.

он, — на своем клочке земли, работая день и ночь, большую часть собранного урожая вынуждены были отдавать в уплату непомерных налогов и в погашение долгов. Жизнь бедняков особенно ухудшалась в конце зимы — начале весны, когда порой не оставалось и куска хлеба для пропитания. В такие критические моменты бедняки, идя на всяческие унижения, вновь обращались к баям и ростовщикам. Я, например, чтобы не умереть с голода, взял в долг 200 рублей у Ахмед-бая с условием рассчитаться в течение года. Я расписался на векселе на сумму 300 рублей. Однако смог погасить свой долг только в течение двух лет. Но в дальнейшем опять попал в долговую кабалу»⁴.

Другой современник описываемых событий, Рахман Разаков (род. 1890 г.), участник восстания в кишлаке Яккатут Маргиланского уезда, сообщил, что большая часть земельных угодий там находилась в распоряжении тысячника Мансур-ходжи, крупных баев — Сайидахмад-ходжи и Мамаджана, которые сдавали свои земли в аренду беднякам. Они, как и другие баи, все более расширяли свои земельные владения за счет разорявшихся мелких дехканских хозяйств. Например, крупный землевладелец Хашимбек Газибеков силой отобрал землю у дехканина А. Исмагуллаева за то, что тот не смог вовремя погасить свой долг. Подобным образом отбирались земли и у других бедняков, попавших в долговую кабалу. В частности, тысячник Мансур-ходжа таким же путем овладел землей дехканина Халмирзы Хаитова⁵.

«Все эти обстоятельства и бесчинства представителей администрации, — говорил Рахман Разаков, — побудили меня и других угнетенных людей подняться против царизма и местных феодалов-баев». Об этом же рассказывали в своих воспоминаниях другие активные участники восстания в Маргилане — Мавлян Лайляев, Касым Ибрахимов, Мухаммед Ибрахимов, Рахматулла Масудов, Турсун Мирзабабов, Бута Эгамбердыев и др.

Заслуживают внимания и воспоминания Мумина Муталиева (род. 1899 г.), осужденного за участие в восстании на длительное тюремное заключение. В частности, он сказал: «Царская власть и местные баи установили над нами жестокий гнет. Возьмем, например, нашу семью. Я и отец мой без конца трудились на баев и других угнетателей, но были всегда голодными и голыми. Чтобы не умереть с голоду, мой отец взял у Немат-бая в долг 400 рублей, но не смог погасить свой долг в течение 15 лет, так и скончался. За это время благодаря процентам первоначальный долг значительно возрос. Бай прибегал к различным ухищрениям, чтобы держать моего отца в кабале. После смерти отца его долг перешел ко мне по наследству, за что я работал в хозяйстве бая в течение 4 лет в качестве чайрикера и слуги, но не смог освободиться от кабалы. Тогда вынужден был продать свой дом, после чего, наконец, смог рассчитаться с наследственным долгом. Так в результате угнетения бая я разорился и с нетерпением ожидал момента, чтобы отомстить угнетателям»⁶. «Эта мечта сбылась, — говорил он далее. — Во время восстания я одним из первых напал на представителей администрации, но не смог найти Немат-бая, которому прежде всего хотел отомстить»⁷.

Столь же тяжелым было положение тружеников кишлака и в Андижанском уезде. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания многих

⁴ Х. З. Зияев. Указ. ркп., стр. 8.

⁵ Там же, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 79.

⁷ Там же.

участников восстания. Так, по словам Мохаммеда Дервишева, его отец обрабатывал земли Суванбайходжи и Рахматуллаходжи за 1/5 часть урожая. Мохаммед с малых лет помогал отцу. Однако при распределении урожая бай давал им гораздо меньше, чем полагалось по договору, удерживая значительную долю в «возмещение» долга его отца, что, в конечном счете, привело к разорению их хозяйства⁸. В результате, говорил М. Дервишев, «мой отец взял в долг у Мамаджан-бая 100 рублей с условием отдать его в сумме 130 рублей, но заработанных денег не хватало для повседневных расходов, что не давало возможности погасить долг. В связи с этим долг от 100 рублей в течение года, принимая во внимание проценты, возрос до 390 рублей, который мы с отцом погасили изнурительным трудом, влача жалкое существование»⁹.

Источником обогащения эксплуататорской верхушки была и вода, которая также находилась в распоряжении феодалов-баев. Дехканская беднота вынуждена была идти к ним в кабалу, чтобы получить воду для посевов. Трудовое дехканство принимало самое активное участие в строительстве, ремонте и очистке оросительной сети, но водой распоряжались феодалы-баи, чинившие всяческий произвол и насилия и в сфере водопользования, что также было одной из важных причин восстания 1916 г. Об этом говорил один из участников восстания в кишлаке Урмонбек Муминбай Бабарахимов (род. 1889 г.). По его словам, в этом кишлаке из-за нехватки воды всегда происходили столкновения между беднотой и баями, заставлявшими дехкан дорого платить за воду или обрабатывать их земли¹⁰. По свидетельству того же информатора, представители местных властей во главе с пятидесятником Давудкул Ярчибаев всячески потакали баям и вместе с ними беспощадно угнетали народ¹¹.

Касаясь причин восстания, Юлдаш Мадазимов (род. 1890 г.), житель кишлака Холмурад-курганча, где в основном проживали каракалпаки, особо подчеркивал злоупотребления и беззакония чиновников. «Однажды, — рассказывал он, — в дом дехканина Маматкулова зашла собака помощника пятидесятника Юлдаша Эркузиева и стала поедать содержимое кастрюли, за что дехканин избил собаку. Пятидесятник Эсанали Рахимкулов, узнав об этом, наложил на бедняка штраф в размере 80 рублей. Чтобы уплатить этот штраф, дехканин Маматкулов вынужден был продать свой дом и все имущество, после чего он навсегда покинул свой кишлак. Подобного рода бесчинства часто случались в нашем кишлаке»¹².

Участники восстания приводили интересные данные и о социально-экономическом положении городской бедноты, принявшей деятельное участие в событиях 1916 г. В некоторых воспоминаниях речь шла о тех жителях городов, которые ранее жили и работали в кишлаках, а потом, разорившись, вынуждены были переехать в город в поисках работы. Один из таких бедняков, Мавлян Лайляев рассказал, что в течение ряда лет он работал в кишлаке чайрикером, но, не выдержав эксплуатации и жестоких насильственных властей, переехал в Маргилан. Здесь он работал грузчиком, каменщиком, подметальщиком улиц, выполнял и другую работу, но никогда не был сытым и хорошо одетым¹³. Другой участник восстания, Кимсан Ибрахимов (род. 1889 г.) стмечал, что

⁸ Х. З. Зияев. Указ. ркп., стр. 91.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 103.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 100.

¹³ Там же, стр. 15.

отец его был сапожником. Трудясь день и ночь, он все же не мог прокормить семью. Поэтому Қимсан не стал заниматься ремеслом отца, а работал по найму у богатых, выполняя обязанности слуги, караульщика, водоноса, пекаря, извозчика и т. д., но всегда оставался голодным и плохо одетым¹⁴.

Немалую часть населения Маргилана составляли кустари-ткачи, которые также изнывали под бременем многочисленных налогов и гнетом своих хозяев. Об этом говорится, например, в воспоминаниях Ислама Рахимова¹⁵.

Некоторые наши информаторы сообщили ценные сведения о положении узбекских рабочих в Маргилане и их участии в восстании 1916 г. Так, например, Мамаджан Ташпулатов (род. 1896 г.) рассказал нам, что «в 1914—1916 гг. в Маргилане было несколько хлопкоочистительных заводов, где в основном работали узбекские рабочие. Хозяева заводов... жестоко угнетали рабочих, заставляли работать их по 12 и более часов. Рабочие получали мизерную зарплату, жили в тяжелых жилищных и материальных условиях. Поэтому и рабочие наряду с другими бедняками принимали активное участие в восстании...»¹⁶

В воспоминаниях участников восстания мы находим отдельные данные и о положении городской бедноты Андижана. В частности, Усманжан Рахимов (род. 1900 г.) рассказывал: «Мой отец был бедняком и, день и ночь стоя у огня, работал пекарем, однако доход его от этого был так мал, что мы всегда жили в крайней нужде... Подобным образом работали и жили другие пекари»¹⁷.

Сообщенные информаторами сведения о ходе восстания 1916 г. имеют важное значение для определения, сущности и характера этого народного выступления. Вот что говорил, например, Таджибай Мадалиев — один из участников восстания в Маргилане: «В 1916 г. во время уразы (поста) вся городская беднота, состоящая из ремесленников, людей, занимающихся подсобными работами, и другие угнетенные массы собрались рано утром на центральной площади Урда-Таги. Я тоже со своими товарищами — бедняками из нашей махаллы (квартал) пришел на площадь Урда-Таги. Здесь собралось более 15 тысяч человек. В 9 или 10 часов утра сюда пришли царские и местные чиновники, в частности полицмейстер, сотрудники полиции, тысячники и другие баи. Приезд их вызвал возмущение и гнев народа, а и другие угнетенные люди подняли руки вверх и кричали: «не пойдем в мардикерство», «пусть сами баи идут в мардикерство!» Подобные возгласы слышались со всех сторон, поднялся крик и шум, а потом раздались возгласы «ур!» (бей). В тот же момент я и другие многочисленные угнетенные совершили нападение на чиновников и убили двух мингбаши — Мавланбека и Махмудбека, также были убиты один местный миршаб и полицейский старшина. После чего я со своими товарищами, преследуя бежавшего сотрудника полиции, пришли к зданию кинозала... В это время группы повстанцев пошли по домам богачей, чтобы разгромить их и уничтожить»¹⁸.

По словам другого участника этих событий, Мавляна Лайляева, перед толпой на площади Урда-Таги сначала выступил мингбаши Махмудбек, который заявил: «Небо далеко, а земля твердая», и потому, де, никто никуда не сможет бежать, и надо «идти в мардикерство обяза-

¹⁴ Х. З. Зияев. Указ. ркп., стр. 33.

¹⁵ Там же, стр. 55.

¹⁶ Там же, стр. 62.

¹⁷ Там же, стр. 85.

¹⁸ Там же, стр. 10—11.

тельно». В ответ из возмущенной толпы раздались возгласы: «Ты, угнетатель, сам поезжай», «Долой свинью Махмуд-мингбаши», «Мы не пойдем» и всюду слышались крики «ур!» Я первым свалил Махмуда мингбаши и, сказав: «теперь попался в мои руки», — обеими руками стал душить его... В тот же момент толпа с топорами, камнями и кирпичами убила мингбаши Махмудбека. Затем я с толпой ушел к дому Махмудбека, чтобы сжечь его дом и имущество»¹⁹.

Вскоре Мавлян Лайляев был арестован, приговорен к 15 годам тюремного заключения и сослан в Сибирь, откуда вернулся лишь после победы Октября. Между прочим, он сообщил, что видел в маргиланской тюрьме трех женщин-узбечек, также арестованных за участие в восстании²⁰.

Во всех воспоминаниях участников восстания содержатся данные о жестоком колониальном гнете царизма, произволе царских сатрапов, резко возросших в связи с войной налогах, вызывавших глубокое возмущение в массах, их ненависть к колонизаторам, которые ярко проявились в ходе восстания. Так, Гани Ташпулатов рассказывал, что рабочие заводов и железной дороги в Маргилане, приняв активное участие в восстании, напали на царских чиновников и убили одного из них²¹. Подобные факты приводятся и в воспоминаниях Мухаммеда Ибрахимова, Мухаммеда Расула и многих других участников событий 1916 г. Анализ их убедительно свидетельствует об антиколониальном, антиимпериалистическом, антифеодальном и подлинно народном характере восстания 1916 г.

Таким образом, воспоминания непосредственных участников и очевидцев имеют большое значение в изучении причин, характера, движущих сил и хода национально-освободительного восстания 1916 г.

Х. З. Зияев

1916 ЙИЛГИ ҚЎЗҒОЛОН ИШТИРОКЧИЛАРИНИНГ ЭСАДАЛИКЛАРИ — ҚИММАТЛИ ТАРИХИЙ МАНБА

Мазкур мақолада 1916 қўзғолон иштирокчилари ва шохидлари эсадаликлари Урта Осиё ва Қозғистон халқларининг ана шу катта миллий-озодлик ҳаракати тарихини ўрганиш борасидаги муҳим манба эканлиги ҳақида фикр юритилади.

¹⁹ Х. З. Зияев. Указ. ркп., стр. 16.

²⁰ Там же, стр. 17.

²¹ Там же, стр. 42.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1

1982

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ны в полной мере использовать предоставленные Конституцией СССР полномочия для обеспечения комплексного экономического и социального развития на соответствующих территориях, роста эффективности производства, улучшения всех сторон жизни и быта советских людей, удовлетворения их материальных и культурных запросов, уделять постоянное внимание максимальному использованию местных возможностей для реализации продовольственной программы, выполнению планов строительства жилья и объектов социально-культурного назначения»⁶.

Надо поставить дело так, чтобы каждый Совет, каждый народный избранник глубоко осознавали свою высокую ответственность за все, что происходит в районе, в селе, в трудовом коллективе. Практика показывает: там, где высок авторитет народных депутатов, где ощущается их постоянное влияние на все стороны жизни, там успешно решаются и экономические, и социальные задачи, полнее реализуются функции местных Советов, предусмотренные Конституцией и действующим законодательством, еще более повышается роль Советов в обществе зрелого социализма, строящего коммунизм.

К. К. Комилов

КПСС XXVI СЪЕЗДИ ҚАРОРЛАРИ МУНОСАБАТИ БИЛАН СОВЕТЛАР РОЛИНИНГ ОРТИШИ

Ўзбекистондан олинган материаллар асосида ёзилган ушбу мақолада КПСС XXVI съезди қарорлари ва СССР, иттифоқдош ва автоном республикалар янги Конституциялари қондалари асосида халқ депутатлари Советлари роли ортининг баъзи долзарб масалалари ёритилган.

⁶ «Правда», 1981 г., 3 апреля.

Х. Т. ТУРСУНОВ

ГЛУБЖЕ ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

История национально-освободительных движений в Средней Азии дает ценный материал для исследования социально-экономических и политических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрьская революция и установление Советской власти в Средней Азии явились прямым результатом общей борьбы всех народов России под руководством партии большевиков, руководимой великим Лениным. Этот закономерный процесс анализируется буржуазными историками крайне необъективно и искаженно. Они тщетно пытаются доказать, будто бы Октябрьская революция в Средней Азии не имела корней среди местного населения, что она была «искусственно насаждена извне путем насилия и обмана». Вместе с тем они пытаются характеризовать подлинно освободительные движения в Средней Азии как якобы националистические, антирусские.

В современных условиях, когда многие народы Азии, Африки, Латинской Америки встали на путь самостоятельного развития, усиливается интерес к изучению истории Великой Октябрьской социалистической революции, процесса сближения и слияния национально-освободительной борьбы народов отсталых окраин с революционным движением пролетариата России, опыта социалистического строительства в СССР, перехода ранее угнетенных народов к социализму, минуя капитализм. Творческое изучение и использование этого опыта, а также

опыта других стран социалистического содружества стало мощным фактором углубления и расширения мирового революционного процесса.

В этих условиях идеологи антикоммунизма развернули бешеную кампанию, призванную исказить непреходящее значение опыта Великого Октября, социалистического и коммунистического строительства в СССР. Большое место в ней отводится извращению сущности и исторического значения национально-освободительного движения народов России.

Историческая же правда состоит в том, что Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане имела глубокие объективные и субъективные предпосылки. К их числу относится и национально-освободительное движение народов края.

Глубокое исследование и освещение истории освободительных движений имеет актуальное значение. Оно необходимо для всестороннего анализа объективных предпосылок победы Великой Октябрьской социалистической революции. «Социальная революция,— писал Ленин,— не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией передовых стран и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»¹.

В этой связи изучение национально-освободительных движений в Средней Азии в период империализма дает ценнейший материал для показа развития освободительной борьбы народов бывших национальных окраин России под влиянием революционной борьбы русского рабочего класса.

Нарастание национально-освободительной борьбы народов Средней Азии и Казахстана и слияние ее в единый поток с социалистическим движением рабочего класса России были сложным процессом.

Развитие национально-освободительных движений в Казахстане и Средней Азии можно подразделить на три периода, которые качественно отличаются друг от друга. Первый период охватывает время от присоединения Казахстана и Средней Азии к России до начала XX в., второй — от начала XX в. до Февральской революции 1917 г., третий — от Февраля до Октября 1917 г., т. е. этап непосредственной подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

На начальном этапе национальные движения в Средней Азии и Казахстане характеризовались разрозненностью и отсутствием непосредственных связей с революционным движением рабочего класса России. Освободительные идеи и устремления народных масс в известной мере затухали и затемнялись религиозным фанатизмом некоторых категорий участников национально-освободительных движений, да и сами эти движения — стихийные и неорганизованные — носили ярко выраженную религиозную окраску, нередко находясь под влиянием феодально-клерикальных элементов.

Во втором периоде, когда центр мирового революционного движения переместился в Россию, где поднималась величайшая народная революция, положение резко изменилось. Первая русская революция дала мощный толчок развитию освободительных движений народов колониальных и зависимых стран. Как указывал В. И. Ленин, «пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»².

На этом новом этапе национально-освободительное движение развивалось в значительно более тесной связи с революционной борьбой рабочего класса России против царизма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 112.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 221—222.

Определение В. И. Ленина: «...В тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением»³, — имеет непосредственное отношение к Средней Азии и Казахстану. Национальный вопрос, проблема освобождения народов от национально-колониального гнета имели важное значение, что было одной из особенностей буржуазно-демократической революции в Туркестане и Казахстане.

Революционная борьба русских рабочих и солдат в огромной степени повлияла на местных трудящихся. Во «всеподданнейшем» докладе генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. отмечалось, что в течение 1905—1909 гг. среди мусульман Средней Азии «произошла своего рода эволюция: идеи панисламизма или мусульманства заменились сначала стремлением к национальному объединению, а затем проявились тенденции революционно-сепаратистские и даже социалистические»⁴.

Далее отмечалось: «Так называемое освободительное движение в 1905 году в Европейской России не только получило отклик и здесь... не остаются равнодушными к широко разлившейся волне революционной пропаганды и общего понижения чувства нравственности, законности и порядка; благодаря всему этому число преступлений заметно увеличилось, а с этим вместе усилилась и работа полиции»⁵.

Если из этих строк исключить типично полицейское смещение политических, революционных действий в крае с общими разговорами «о падении нравственности» и «преступности», то со всей очевидностью обнаруживается тревога, какой были охвачены колониальные власти в связи с революционно-освободительным движением в Туркестане, усилившимся в органической связи с общероссийской революционной борьбой.

Известно, что трудящиеся местных национальностей под руководством русских рабочих участвовали в забастовках и демонстрациях 1905 г. Уже тогда большевики Туркестана разоблачали клевету меньшевиков и эсеров, отрицавших революционность трудящихся местных национальностей. В газете «Русский Туркестан» подчеркивалось: «Мы имеем возможность неоднократно убедиться в том, что интерес к революционному движению в России и его проявлению у нас в Туркестане, в туземной среде возрастает с каждым днем и что отдельные, довольно многочисленные представители этой среды, несмотря на недостойные попытки дискредитировать в их глазах это движение, выработали вполне правильный взгляд на события последнего времени»⁶.

Большевики Туркестана налаживали связи с местными трудящимися, вели среди них революционную агитацию. Под влиянием рабочего движения нарастало освободительное движение в кишлаках и аулах. Обычно борьба дехкан и кочевников носила характер отказа от уплаты налогов, самовольного захвата байских земель, избия старост, пятидесятников, но в ряде мест дело доходило до открытых вооруженных выступлений.

По словам В. И. Ленина, именно революция 1905—1907 гг. окончательно разбудила Азию. Народные массы, забитые в средневековом застое, «проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁷. Эти ленинские положения раскрывают характер постепенно развивавшегося революционного движения в Средней Азии и Казахстане.

Таким образом, первая русская революция подготовила благо-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 323.

⁴ Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. Ташкент, 1910, с. 13.

⁵ Там же.

⁶ «Русский Туркестан», 1905 г., 6 декабря.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 146.

приятную почву для дальнейшего распространения революционных, марксистских идей среди трудящихся коренных национальностей.

Революционная борьба трудящихся масс Средней Азии и Казахстана получила дальнейшее развитие в годы нового революционного подъема. Забастовочное движение, охватившее Россию, распространилось и на окраины, в том числе Туркестанский край. Огромную роль в революционном подъеме сыграл Ленский расстрел. Участились забастовки рабочих на заводах, нефтепромыслах, в железнодорожных мастерских и рудниках.

Революционный подъем явился мощным стимулом развития прогрессивной, демократической культуры народов Средней Азии и Казахстана. Ее представители: Абдулла Салих (Завки), Аваз Отар, Искандияр Кубаев, Мулла-Мурат Дурды Клыч, Сабир Доненшаев, Садриддин Айни, Токтогул Сатылганов, Хамза Хаким-заде Ниязи, Фуркат и другие — в своих произведениях разоблачали предательство, лицемерие и ханжество баев, мусульманского духовенства и выступали за сближение и дружбу с передовой Россией, с русским народом. Эти идеи находили живой отклик у народных масс. Они на собственном опыте убеждались в том, что их истинным руководителем и защитником является русский рабочий класс.

Таким образом, первая русская революция дала мощный толчок политическому пробуждению и росту революционного и национально-освободительного движения народов. Одним из важнейших его звеньев явилось восстание 1916 г.

В этой связи следует отметить, что у нас более или менее подробно изучена лишь история этого крупнейшего национально-освободительного движения, охватившего всю Среднюю Азию и Казахстан. Многие же национально-освободительные движения в Средней Азии, в частности восстание 70-х годов XIX в. в Фергане, Андижанское восстание, не получили еще должного освещения в нашей исторической литературе.

Надо глубже освещать сам процесс развития национальных движений и соединения его с рабочим движением, роль объективного и субъективного факторов в этом процессе. Важно анализировать конкретные формы и методы деятельности партии большевиков, обеспечившей органическое включение национально-освободительного движения в общий поток борьбы за социалистическую революцию.

Изучая историю освободительных движений, мы должны уделить особое внимание освещению всего того, что сближало трудящихся всех национальностей — русских, казахов, киргизов, узбеков, таджиков, туркмен, каракалпakov и других — в борьбе против царизма и эксплуататоров всех мастей.

Известно, что в прошлом правящие круги делали все для того, чтобы внести раскол в ряды борцов освободительного движения. Как же удалось ленинской партии найти верный путь к сближению трудящихся всех национальностей в борьбе против царизма и национализма, за социальный прогресс — этот вопрос продолжает оставаться слабо изученным.

Важно всесторонне и объективно исследовать место и роль младобухарского и младохивинского движений в исторических судьбах народов Средней Азии.

Не менее важно раскрыть конкретные причины участия различных социальных групп в освободительном движении. Известно, что, помимо основных движущих сил, в это движение были вовлечены и различные «попутчики», в том числе феодально-клерикальные элементы. Надо показать, кто и с какими целями участвовал в движении, разобраться в истинных мотивах действий и идеологической направленности главных движущих сил освободительного движения — т. е. аульной, крестьянской и городской бедноты.

Немногим более 30 лет назад кое-кто стал избегать разработки истории национальных движений, боясь «как бы чего не вышло». Мы вообще уходили от анализа национальных движений, если они так или иначе проходили под религиозными лозунгами, религиозной оболочкой, не утруждая себя исследованием истинных причин таких противоречивых явлений.

За последние годы положение улучшилось. Под плодотворным влиянием ленинского курса КПСС появились новые труды, в которых глубже и объективнее освещаются противоречивые стороны национально-освободительного движения.

В истории бывало немало примеров народных движений, которые в силу определенных исторических условий принимали религиозную окраску. Такими были, например, некоторые движения в Ферганской долине 70-х годов, Андижанское восстание 1898 г. Оценивая историческую оправданность таких явлений, В. И. Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»⁸.

Это ленинское положение получило дальнейшее развитие на XXVI съезде КПСС: «В некоторых странах Востока за последнее время активно выдвигаются исламские лозунги. Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»⁹.

Очень важно вскрыть внешнюю религиозную оболочку, отделить ее от классового содержания, проанализировать истинные, глубинные причины и характер народных движений.

Исследователи должны глубже вникать в корень исторических явлений и процессов, тщательно анализировать реальное содержание национально-освободительных движений, в том числе национально-освободительного движения в Средней Азии и Казахстане, развернувшегося в начале XX в. под влиянием русского рабочего движения и явившегося могучим ускорителем и одной из важнейших предпосылок Великого Октября.

Ҳ. Т. Турсунов

ЎРТА ОСИЕДА МИЛЛИЙ-ОЗОДЛИК ҲАРАКАТЛАРИ ТАРИХИНИ ЧУҚУРРОҚ УРГАНАЙЛИК

Мақолада Ўрта Осиё халқларининг революциягача бўлган миллий-озодлик ҳаракатлари тарихини чуқур ўрганиш, ҳар томонлама ёритишнинг аҳамияти таъкидланади. Муаллиф бу проблеманинг ҳали тадқиқ этилмаган аспектларини ишлаб чиқиш ва буржуа фальсификаторларини қатъий фoш қилиш муҳим эканлигини қайд этади.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

⁹ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 18.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1986

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

К 70-летию восстания 1916 года

М. Г. ВАХАБОВ

**ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА — ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА**

Восстание 1916 г. стало одним из крупных выступлений угнетенных народов не только на национальных окраинах царской России, но и всех колониальных стран в период первой мировой войны. Оно показало, что такие колонии «чистейшего типа», как Туркестан, из резерва русского военно-феодалного империализма превращаются в резерв российского революционного пролетариата. С общесторической точки зрения, восстание 1916 г. как антиимпериалистическое, антиколониальное представляло собой поворотный пункт в расширении фронта освободительного движения на основе слияния освободительной борьбы трудящихся масс угнетенных царизмом народов с революционным движением российского пролетариата против самодержавия и буржуазии. С другой стороны, оно знаменовало отход местных трудящихся от национальной буржуазии, «своих» эксплуататоров, разоблачивших себя как проводников колониальной политики царизма. Главная особенность восстания состояла в том, что оно началось как стихийное проявление возмущения народных масс против колониального гнета и феодально-капиталистической эксплуатации, выразившееся в формах кратковременных, разобщенных выступлений, а в дальнейшем переросло в организованное политическое движение.

Поскольку причины восстания, его ход, движущие силы, характер и особенности в разных районах Средней Азии и Казахстана освещены в трудах наших историков¹, мы не будем здесь детально останавливаться на этих моментах, а главное внимание уделим его историческому значению в развитии освободительного движения местных трудящихся по пути слияния с классовой борьбой революционного российского пролетариата.

Как известно, первое после издания царского указа от 25 июня 1916 г. выступление состоялось 4 июля 1916 г. в Ходженте (ныне Ленинабад). С того дня по 21 июля 1916 г. почти во всех кишлаках Самаркандской, Ферганской областей и Ташкентского уезда происходили народные волнения. До 15 июля включительно в Ферганской области восстание принимает почти повсеместный и острый характер. Усиливаются и волнения в Ташкентском уезде Сырдарьинской области, начавшиеся 11 июля выступлением населения Ташкента. С 12 по 14 июля волнения охватили селения долин Чирчика и Ангрена.

За период с 4 по 22 июля на территории нынешнего Узбекистана были зафиксированы народные выступления в 75 пунктах. За это время было убито 56 должностных лиц и отмечено 47 случаев их избияния. Из 75 выступлений на долю четырех уездов Ферганской области (ныне входящих в Узбекистан) приходится 51, из числа убитых в ходе восстания административных лиц — 35, из 47 случаев избияния представителей низовой администрации — 30. Если учесть, что выс-

¹ См.: Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960; и др.

тупления продолжались здесь в основном до 15 июля, становятся очевидными острота и размах восстания. Фактически оно носило здесь повсеместный характер, народные выступления шли непрерывной волной.

Это бесспорно объясняется тем, что в Ферганской области положение крестьян было наиболее критическим. Не случайно царская администрация с первых же дней народных волнений направила в Фергану значительный карательный отряд и именно в Фергане имело место наибольшее число случаев применения оружия против масс. Царскими войсками там было убито 93 и ранено 79 человек.

Выступление масс носило не только антиколониальный, но и антифеодальный характер. Это особенно ярко проявилось в ряде кишлаков Ферганской области. Так, в сел. Чуама Майгирской волости Андижанского уезда жители напали 12 июля на дом отца волостного управителя. Восставшие нашли у него долговые обязательства — векселя на 200 тыс. руб. и сожгли их. 14 июля восставшие напали на дом чакарского сельского старшины Булакбашинской волости Наманганского уезда. Старшина скрылся. Дом его был разгромлен. При этом восставшие нашли большую сумму денег, долговые обязательства на 10 тыс. руб. и земельные документы на 30 тыс. руб. Эти документы были сожжены. В сел. Шуркурбан Наманганского уезда группа из шести человек напала на старшину Бешкепе и, отобрав у него векселя на 1000 руб. и 5 долговых документов, уничтожила их. 15 июля в сел. Кызылат Наманганского уезда был разгромлен дом сельского старшины и уничтожены два векселя на 100 руб., записная книжка с именами должников и другие документы.

Многие местные административные лица эксплуатировали труд крестьян-издольщиков, которые во время восстания активно выступили против своих хозяев. Так, 11 июля 1916 г. жители сел. Яккатут Скобелевского уезда разгромили дом волостного управителя. В этом активно участвовали и его чайрикеры.

В Джизакском уезде восстание также началось (13 июля) с требования населения уничтожить списки призываемых. За отказ выдать их волостной управитель был убит. На следующий день восстание охватило почти все селения уезда.

Однако в некоторых местах оно приняло в определенной мере антирусское направление. Кое-где начали избивать русское гражданское население. В отдельных волостях появились свои местные беки из потомков бывших беков, состоятельных людей и духовенства. Они установили между собой связь и пытались действовать согласованно.

Но далеко не все население Джизакского уезда было настроено антирусски. Кроме самого Джизака, еще во многих селениях восставшие избивали и убивали представителей местной администрации; немало было и случаев, когда местное население прятало русских граждан в своих домах и помогало им спастись.

Антирусский характер восстания в отдельных пунктах Джизакского уезда не вытекал из природы самого движения. Выступления народа и здесь по сути своей были антиколониальными, освободительными. Но в ряде мест руководство волнениями было захвачено феодально-клерикальными элементами, объявлявшими себя беками, правителями и группировавшими вокруг себя деклассированных лиц. Именно они устраивали нападения на дома русского гражданского населения, убивали, грабили их имущество. Что касается народных масс, то они с первых же дней отошли от этих элементов.

Во время восстания 1916 г. в полной мере проявилась антинародная, реакционная позиция местной буржуазии и клерикального духовенства. Их представители призывали народ выполнить царский указ и выделить рабочих. Журнал «Ал-Ислах» опубликовал специальную статью с призывом направить людей на тыловые работы². Журнал

² Ал-Ислах. 1916. № 15, 16.

восторженно отозвался о назначении генерал-губернатором А. Н. Куропаткина, а причины восстания объяснял отсталостью и бескультурностью народа. Приезд Куропаткина, говорилось в журнале, гарантирует спокойствие в крае. Автор статьи «Благодарность за благо», ссылаясь на догмы ислама, считал нахождение Туркестана под властью царизма «благом, посланным богом», и в знак благодарности богу призывал народ подчиниться царизму. В статье заявлялось, что выступление против набора тыловых рабочих противоречит желанию бога, и осуждались действия восставших³. В то время, когда народ выступил с решительным протестом против царского указа, главари джадидизма в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Намангане и т. д. создавали комитеты содействия набору рабочих. Все это еще больше оттолкнуло народ от национальной буржуазии.

Царское правительство жестоко подавило выступления масс. Восстание не могло не потерпеть поражения, ибо оно было стихийным в полном смысле этого слова. Народ выступал без заранее намеченного плана действий. Почти все выступления начинались с протеста против набора и требования уничтожить списки призываемых, а завершались уничтожением списков и, если оказывалось сопротивление со стороны администрации, то избиванием либо убийством должностных лиц. Восстание происходило в форме кратковременных выступлений населения того или иного города или селения. В этой обстановке ни восставшие, ни русские рабочие Туркестана, естественно, не имели возможности установить контакт между собою, и восстание проходило в отрыве от нараставшего революционного движения рабочего класса.

Вместе с тем восстание показало, что русский рабочий класс имеет в лице трудящихся таких колониальных окраин, как Туркестан, прочного союзника в борьбе против царизма и местной империалистической буржуазии.

В ходе восстания обострились и выпукло обнажились все социально-экономические и политические противоречия колониального Туркестана, социальные силы открыто размежевались. Ярко проявился классовый характер выступления народных масс.

Выступления самих масс нигде не имели религиозно-фанатического характера. Нигде, кроме отдельных волостей Джизакского уезда, не выдвигался лозунг «газавата». Да и выдвигать его было в сущности некому, ибо большинство мусульманского духовенства уже перешло на службу царизму. Они поддерживали указ о мобилизации местного населения на тыловые работы и призывали народ повиноваться царским законам, объявляя их «проявлением воли бога».

В дни восстания почти во всех кишлаках Ферганской области находились русские специалисты, проводившие сельскохозяйственную перепись. Восставшие их не трогали, не было ни одного случая угрозы или избивания их.

Таким образом, восстание было свободным от религиозных черт и было вызвано именно социально-политическими мотивами.

Как свидетельствуют факты, восставшие избивали, убивали отдельных волостных управителей и аксакалов, громили их дома не только потому, что они выступали проводниками колониальной политики царизма, но и потому, что видели в них представителей местной эксплуататорской верхушки. Ведь это были крупные скупщики хлопка, владельцы торговых складов, магазинов и лавок, ростовщики, обогащавшиеся в результате жестокой эксплуатации народных масс, всяких поборов и проч. Поэтому они были не менее ненавистны трудящимся, чем сам царизм. Следовательно, восстание 1916 г. было классовым выступлением местных трудящихся как против колонизаторов, так и против местных эксплуататоров.

³ Там же. № 18.

В ходе восстания происходит социально-классовое отмежевание местных трудящихся от эксплуататорской верхушки, выступавшей против восстания, помогавшей царскому правительству проводить мобилизацию «тылови́ков».

Именно с помощью местных эксплуататорских «верхов» царское правительство с присущей ему жесткостью уже к началу августа 1916 г. подавило народное волнение в земледельческих районах Туркестана: Ферганской, Самаркандской областях и Ташкентском уезде Сырдарьинской области. В волости Джизакского уезда были направлены карательные отряды, а отдельные кишлаки и сам Джизак подвергнуты артиллерийскому обстрелу. Была создана специальная комиссия для конфискации земель в кишлаках этого уезда в целях создания там русских поселений. Во всех городах и кишлаках шли массовые аресты. 17 июля царское правительство дало указание туркестанскому генерал-губернатору о том, что для скорейшего рассмотрения дел о восстании необходимо немедленно сформировать особый временный военный суд⁴.

По всему Туркестану было привлечено к суду более 3000 человек. Из них до 15 декабря было рассмотрено 587 дел. 201 человек были приговорены к смертной казни, 104 — к каторжным работам, остальные — к тюремному заключению. Приговоры о смертной казни были приведены в отношении 20 человек, а остальным заменены каторжными работами и тюремным заключением⁵.

И тем не менее надо сказать, что первоначальный план мобилизации «тылови́ков» был сорван мощным выступлением народных масс.

В этой связи следует отметить, что колониальные власти восприняли указ о мобилизации на тыловые работы местного населения как очередной призыв контингента военнообязанных на действительную службу. С получением указа низовая администрация повсеместно приступила к составлению списков поголовно всех мужчин с 19 до 43 лет. Это создало впечатление, что мобилизованы будут все мужчины указанных возрастов. Далее, набор совпал с разгаром сельскохозяйственных работ, и уход мужчин на тыловые работы привел бы к гибели многих культур, в частности хлопчатника, что нанесло бы тяжелый удар по материальному положению дехканских хозяйств. Все это вызвало резкий протест народных масс.

Учитывая все это, царское правительство решило прибегнуть к тактическому маневру. Первым делом оно заменило генерал-губернатора Туркестана. На этот пост был утвержден А. Н. Куропаткин, ранее уже служивший в крае и хорошо знавший местную обстановку. С первых же дней своего пребывания в Туркестане Куропаткин, наряду с усилением репрессий против восставших, приступил к тщательной подготовке набора и психологической обработке местного населения через представителей эксплуататорских «верхов». Он разработал ряд положений о составлении списков призываемых, организации их отправления в районы тыловых работ, инструкции о создании отдельных партий (отрядов) тыловых рабочих, положения об условиях их труда и быта и т. п.

Эти меры широко афишировались как «проявление заботы» о мобилизованных, особенно при помощи комиссий по содействию набору рабочих, созданных джадидами и всячески восхвалявшихся на страницах их газет.

Духовенство также развернуло психологическую обработку масс. Оно объявляло «божественным благом» господство царизма над народами Туркестана, проводило в мечетях специальные богослужения за здоровье Николая II как «защитника мусульман» от посягательств кайзеровской Германии и проч.

⁴ Восстание 1916 года... С. 640.

⁵ Турсунов Х. Т. Указ. соч. С. 401.

Однако все это не могло заставить местных трудящихся отказаться от борьбы за свою свободу, против царизма и местных эксплуататорских классов. Коренные причины, породившие освободительное движение масс, сохранялись и в любой благоприятный момент могли вызвать новый подъем борьбы трудового народа против своих угнетателей.

В. И. Ленин, говоря о наличии революционных элементов в крестьянских движениях, четко отличал крестьянские бунты от революционного движения крестьян как два этапа демократического освободительного движения трудящихся масс. Касаясь крестьянского восстания 1902 г. в России, он указал, что оно было подавлено потому, что «это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных *политических* требований, т. е. без требования изменить *государственные* порядки... потому что оно было *не подготовлено*... потому, что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями. Вот три причины первой крестьянской неудачи. Чтобы восстание было успешно, надо, чтобы оно было сознательное и подготовленное, надо, чтобы оно охватило всю Россию и в союзе с городскими рабочими»⁶.

Чтобы восстание было сознательным, говорил Ленин, крестьяне должны знать «*три главных* требования, за которые надо бороться прежде всего. Первое требование — созыв *всенародного собрания депутатов для устройства на Руси народного выборного... правления*. Второе требование — *свобода всем и каждому*... Третье требование — *признание законом полной равноправности крестьян с другими сословиями и созыв выборных крестьянских комитетов для уничтожения прежде всего всякой крепостной кабалы*»⁷. Для того чтобы крестьяне это осознали, указывал В. И. Ленин, необходима настойчивая подготовка их. А это предполагает длительную организационно-воспитательную работу как со стороны самих крестьян, через их выборные комитеты, так и со стороны городских рабочих.

Поскольку основная масса трудящихся колониальных окраин России состояла из крестьян, эти ленинские положения всецело относятся к определению социальной природы, условиям развития и закономерностям слияния освободительного движения угнетенных народов с революционным движением пролетариата.

Если с этих позиций рассматривать развитие освободительного движения трудящихся Туркестана до восстания 1916 г., то оно проявлялось как на уровне крестьянских бунтов, так и в форме стихийных кратковременных столкновений крестьян с местной администрацией, представителями колониального режима и эксплуататорской верхушки, а также в форме нападений летучих крестьянских отрядов на последние.

Восстание 1916 г. тоже в основном протекало на уровне крестьянских бунтов. Однако оно приняло характер более мощного движения, хотя кратковременного и стихийного, но повсеместного, упорного и решительного. В нем проявилось все накопившееся недовольство и возмущение народных масс, и в этом стихийном движении имелись уже элементы революционности. Массовое выступление трудящихся против мобилизации на тыловые работы выразилось не в форме жалоб по поводу нарушения представителями власти того или иного установленного царизмом порядка, закона или положения, а было направлено непосредственно против царского указа, т. е. против самой власти. А это, как указывал В. И. Ленин, является важным «элементом революционности крестьян», свидетельствует о росте политического сознания масс.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 196.

⁷ Там же. С. 197.

Выступления масс в июне-июле 1916 г. в городах и кишлаках Туркестана с общенациональной точки зрения явились переходными ступенями от этапа стихийных крестьянских бунтов к организованному, следовательно, революционному освободительному движению местных трудящихся.

Итак, восстание трудящихся в оседлых районах края, на наш взгляд, имело два этапа: I — этап стихийных и кратковременных бунтов и II — переход масс к организованному революционному движению.

С этой позиции особое значение приобретает ситуация, сложившаяся среди мобилизованных в районах тыловых работ. Она характеризовалась не только их жестокой эксплуатацией, невыносимыми тяготами и лишениями, но и дальнейшим нарастанием их недовольства, активизацией борьбы против всей системы гнета и насилия, эксплуатации и произвола. Причем социальный протест их перерастает рамки стихийного бунта, превращается в сознательное, организованное революционное движение.

Сам порядок отправки мобилизованных в районы тыловых работ и организации их труда объективно внес элементы организованности в жизнь и борьбу «тылови́ков». Их направляли в районы назначения эшелонами примерно по 1000 человек с подразделением на сотни и десятки. Жизнь и труд их на тыловых работах тоже организовывались коллективно. Следовательно, и борьба их теперь могла происходить коллективно, организованно, что, как подчеркивал В. И. Ленин, является одной из особенностей революционного движения. Таким образом, в районах тыловых работ создавались необходимые объективные и субъективные предпосылки для перехода освободительного движения от этапа стихийных бунтов к этапу революционного движения.

В свете изложенного вкратце рассмотрим порядок отправления мобилизованных в районы тыловых работ, а также их жизнь, труд и борьбу.

Генерал-губернатор Куропаткин все разработанные им мероприятия узаконил специальным приказом, изданным на русском и узбекском языках под № 220 23 августа 1916 г. Согласно указу, в целом по краю подлежали мобилизации 200 470 человек, из них по Ташкентскому уезду — 13 182, по Самаркандской области — 32 407, по Ферганской — 51 283 человека. Итого по оседлым уездам — 96 822, по городам этих областей 23 571, а всего — 120 393 человека.

Для ослабления сопротивления против набора и раскола населения официально были освобождены от набора духовенство, представители туземной администрации, служащие правительственных учреждений, учащиеся медресе и др. Разрешался также наем за себя других лиц. А в результате, вопреки замыслам царских властей, усилилась социальная однородность рядов мобилизованных: основной контингент их составили трудящиеся крестьяне и ремесленники, что имело большое политическое значение.

С 18 сентября 1916 г. началась отправка мобилизованных, продолжавшаяся вплоть до Февральской революции. За этот период из Туркестана было отправлено 125 эшелонов (123 305 человек), в основном из оседлых районов Ферганской, Самаркандской, Сырдарьинской областей, в том числе со ст. Ташкент — 9 эшелонов, Самарканд — 8, Коканд — 7, Ходжент — 4, Андижан — 10, Маргилан — 8, Наманган — 7, Каттакурбан — 8, Джизак — 5 и т. д. Из общего числа мобилизованных 113 тыс. (в абсолютном большинстве — узбеки и таджики) были отправлены за пределы края.

Прибыв к месту назначения, они сразу же приступали к работе. По подсчетам П. А. Ковалева, 33 687 человек работали на строительстве военно-оборонительных объектов в прифронтовых районах, 17 100 — на крупных промышленных предприятиях, 28 270 — на желез-

ных дорогах, 44 248 — в разных городских предприятиях, коммунальном хозяйстве, имениях крупных помещиков⁸. Они трудились на предприятиях Петрограда, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Тулы, Орла, Смоленска, Нижнего Новгорода, Запорожья, Екатеринбурга, Брянска, Черновиц, Мариуполя, Керчи, Двинска, а также на Кавказе и др.

На тыловых работах они находились до апреля 1917 г. За это время они прошли большую школу организованной борьбы, сблизилась с рабочим классом Центральной России. Это имело большое значение для слияния их освободительного движения с революционной борьбой российского пролетариата. Они стали применять в своей борьбе с предпринимателями такое испытанное оружие пролетариата, как стачки, все активнее включались в общее забастовочное движение рабочих.

К этому их толкали тяжелейшие условия жизни и труда. На местах их встречали как бесправных колониальных рабов. На подавляющем большинстве предприятий их разместили в непригодных бараках, сараях, без отопления и освещения. В особенно тяжелые условия попали те мобилизованные, которые были направлены в холодные регионы. Среди них распространялись всякие болезни, нередко со смертельным исходом.

Очень плохо обстояло дело с питанием. Зачастую «тыловикам» выделялись недоброкачественные продукты, да и то по взвинченным ценам.

Основная масса мобилизованных не имела промышленных профессий и не могла их быстро освоить. Под этим предлогом они часто подвергались штрафам, телесным наказаниям и всяким поборам со стороны начальствующего состава, назначенного колониальной администрацией из числа феодально-капиталистических элементов. Многие «тыловики», привыкшие работать под открытым небом, попадая в заводские корпуса и особенно в угольные шахты, совершенно теряли работоспособность и болели. Но вместо оказания медицинской помощи на них смотрели как на симулянтов, лодырей, преследовали штрафами и иными наказаниями.

Вот некоторые конкретные факты, приведенные в упомянутой выше книге П. А. Ковалева «Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны».

На ст. Дивенная, в 75 км от Петрограда, на крайне тяжелых лесорубочных работах было занято 1000 андижанцев. Местность была болотистой, и им приходилось работать чуть ли ни по колено в воде, под дождем и мокрым снегом. Жилищные условия были плохими, люди не успевали даже просыхать до утра. К тому же кровля некоторых барачных корпусов протекала. Пища рабочих была совершенно неудовлетворительной. Заработок составлял всего 50 коп. в день. Относились к ним как к арестантам, и они работали под конвоем. Широко практиковались штрафы и аресты за «простой». Заболевшие считались лодырями и не получали медицинской помощи.

Рабочих довели до того, что однажды 8 человек легли на рельсы перед идущим на них поездом. При выяснении причин попыток к самоубийству они заявили, что лучше умереть, чем терпеть такие обиды.

В аналогичном положении находились и рабочие в районах Минской губернии, где на лесоразработках было занято около 2000 рабочих из Ташкента, Оша, Черняева. Размещены они были в землянках на 150 человек каждая, без окон, без пола. Часть рабочих снимали углы в квартирах, выплачивая хозяевам по 50 коп. в день, а кто не мог платить, жил в конюшнях.

За каторжный труд рабочие получали в среднем по 37,5 коп. в день. При этом широко практиковалось взимание многочисленных

⁸ Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны. Ташкент, 1953. С. 93 и др.

штрафов, в частности за поломку инструментов: за топор — 12 руб. 50 коп., за пилу — 19 руб. 50 коп. Продукты рабочие брали в лавочках имения в кредит, влезая в долги. К концу февраля 1917 г. общий долг их превысил 6000 руб.

На военно-тыловых работах было занято свыше 30 тыс. человек. Положение их оказалось особенно тяжелым, ибо они были отданы в распоряжение частных предпринимателей и подрядчиков, которые относились к ним как к рабам.

Примерно в таких же условиях жили и трудились «тыловики» на предприятиях Москвы и Подмосковья, рудниках Кавказа, лесозаготовках Украины и Белоруссии, в шести хозяйствах Алексеевского сахарного завода.

На Днепропетровском металлургическом заводе работали 365 рабочих, из них 300 болели инфлюэнцей; на Марнупольском заводе из 440 рабочих-маргиланцев 60 оказались тяжело больными. Сотни «тыловики» болели в г. Глухове Черниговской губернии; из 100 рабочих-самаркандцев заболели 28. Многие получали обмороживание и т. д.

В результате среди туркестанских рабочих все больше росло острое недовольство, которое нередко выливалось в забастовки.

Так, на строительстве железной дороги Псков — Полоцк в октябре-ноябре рабочие часто не выходили на работу. В районе ст. Дивенская, под Петроградом, занятые на лесоразработках рабочие в знак протеста против тяжелых условий и грубого обращения администрации бастовали в ноябре-декабре 1916 г. и даже добились увеличения поденной платы с 50 коп. до 2 руб. В имении Скрыгалово Мозырского уезда Минской губернии около 2000 человек также организовали забастовку. На ст. Лубной зимой 1916 г. рабочие, жившие в болотистой местности в палатках, протестуя против плохих условий жизни и труда, не вышли на работы. Крупнейшие забастовки туркестанских рабочих, отправленных на Кавказ, прошли в ноябре 1916 г. на Катарских медных рудниках и строительстве Черноморской железной дороги. На Катарских рудниках из 600 рабочих-ташкентцев на работу вышло лишь 160 человек. На Черноморской железной дороге вспыхнула забастовка 2000 рабочих.

В Витебской губернии в начале 1917 г. бастовали «тыловики» из Коканда, находившиеся на рубке леса для бумажной фабрики г. Суража.

В начале 1917 г. среди ««тыловики»» участились самовольные выезды в Туркестан. Так, после крупной забастовки «тыловики» в Минской губернии многие самовольно выехали на родину. Из них 67 уроженцев Чиназской и Зенгиатинской волостей прибыли в Ташкент.

В этот же период произошло крупное выступление тыловых рабочих на Трубчевских предприятиях Киевского областного промышленного совещания. 316 рабочих 9 апреля 1917 г. взбунтовались из-за того, что в течение двух с половиной месяцев им не платили за работу. Они избили двух переводчиков, пытавшихся уговорить их, и двинулись к главной конторе предприятий в местечке Середина-Буда. Для «усмирения» рабочих были вызваны полиция и казаки.

Несомненно, во всех этих случаях на «тыловики» заметное влияние оказывала забастовочная борьба русских рабочих.

Царские власти, опасаясь контактов «тыловики» с русскими рабочими, крестьянами и солдатами, нередко давали указания водить их на работу под конвоем. Об этом, например, сообщает в своих воспоминаниях Джура Файзиев, работавший на медных рудниках Кавказа.

Но полностью изолировать «тыловики» от русских рабочих было невозможно. Многие из них проживали на квартирах среди крестьян, городского трудового люда. Часто в казармах и бараках совместно размещались рабочие разных национальностей, в том числе русские.

Так, в Никольской экономии при сахарном заводе в одном помещении жили 59 ходжентцев — таджики и узбеки, 25 военнопленных

немцев и 15 русских рабочих. На отдельных промышленных предприятиях «тыловики» работали вместе с русскими.

В своих воспоминаниях «тыловики» приводят некоторые данные о связях с русскими рабочими и солдатами. Например, работавший в прифронтовой зоне Худайберды Эрназаров вспоминал: «Однажды в окопах солдат позвал меня к себе в землянку и сказал: «Не горюйте, братцы, скоро войне конец, все разбегутся по домам». Он дал мне буханку хлеба, сахар. Вернувшись к себе, я рассказал это товарищам, и все мы очень обрадовались».

Кадыр Салманов, работавший на лесопильном заводе в Распопино Нижегородской губернии, рассказывал: «Однажды был сильный холод, мы забастовали, два дня не выходили на работу. Хозяева завода заставляли нас выходить на работу, но никто не вышел. Этой забастовкой руководили русские рабочие».

Некоторые «тыловики» в своих воспоминаниях отмечают деятельность большевиков среди тыловых рабочих. Так, по словам одного «тыловики» из Маргилана, их группа была занята на лесорубочных работах в Никашево Минской губернии. Часовой зорко охранял «тыловики» от общения с русским населением. С ними общался лишь точильщик инструментов, которого звали Иваном. Он рассказывал им о политическом положении в стране, советовал послать свою делегацию на собрание гомельских рабочих. «Тыловики» секретно выбрали делегацию из 2 человек: Абдусатарова и Низамова, которые и побывали на рабочем собрании. После Февральской революции выяснилось, что точильщик Иван был большевиком; его специально посылали для подпольной работы среди «тыловики».

Уже в начале декабря 1916 г. среди «тыловики» развернулось движение за демобилизацию. Однако Куропаткин издал специальный приказ, в котором говорилось, что их «посылали на работы, пока в них будет надобность». Это вызвало сильное возмущение «тыловики», настойчиво требовавших возвращения домой.

Так, 98 кокандцев, работавших на ст. Бологое-II Николаевской железной дороги, писали генерал-губернатору, что «в скором времени наступает время посева, а за отсутствием рабочих рук наши поля останутся незасеянными».

3 марта 1917 г. находившиеся в Симбирской губернии рабочие из Ошского уезда писали генерал-губернатору, что они работают уже 100 дней и пора вернуть их домой.

Во многих местах стихийно началась массовая самодемобилизация «тыловики». С января 1917 г. почти из всех районов тыловых работ в адрес вышестоящих инстанций поступали сообщения о самовольном отъезде «тыловики». Так, зам. председателя заводского совещания Киевского района в своем рапорте докладывал, что 17 человек из Ташкентского и 9 из Маргиланского уезда самовольно уехали в Туркестан⁹. В другом рапорте он сообщил о самовольном отъезде 73 «тыловики», среди которых 38 были из Ташкентского уезда, 31 — из Ферганской области и 4 человека из Черняева¹⁰. Затем он рапортовал о самовольном отъезде еще 428 «тыловики» из разных уездов Ферганской области¹¹. В распоряжение Киевского заводского совещания было выделено 4 эшелона тыловых рабочих — около 4000 человек. Как видно только из трех рапортов, самовольно организовано выехали домой 527 человек — более 13%. Были также десятки случаев выезда рабочих мелкими группами, о чем тоже сохранились разные рапорты. Кроме того, многие были отправлены домой самой администрацией в связи с заболеваниями. В частности, из того же Киевского заводского района по болезни было отправлено домой 13 человек¹².

⁹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 97, л. 14—15.

¹⁰ Там же, д. 57, л. 26.

¹¹ Там же, л. 35—41.

¹² Там же, л. 24.

Такая же ситуация сложилась фактически во всех районах тыловых работ.

Таким образом, попытки царского правительства укрепить тыл за счет рабочей силы, привлеченной из колониальных окраин, провалились. Мобилизация «тыловиков» не только не усилила позицию царизма в войне, а наоборот, ослабила ее. Мало того, она оказала резко отрицательное влияние на господство царизма на колониальных окраинах и способствовала лишь обогащению отдельных промышленников и помещиков за счет эксплуатации по существу дарового труда тыловых рабочих. Вместе с тем переброска мобилизованных в районы тыловых работ намного осложнила работу железнодорожного транспорта, и без того пришедшего в состояние развала в результате затянувшейся войны. Не случайно царское правительство вынуждено было дважды (с 18 декабря 1916 г. до 18 января 1917 г. и с 1 февраля до 18 февраля) прерывать переброску мобилизованных в районы тыловых работ.

Гораздо более значительными были политические последствия этой массовой акции как для революционного движения российского пролетариата и освободительной борьбы местных трудящихся, так и для самого царизма.

Во-первых, народное восстание не ограничилось выступлением трудящихся оседлых районов Туркестана в июле 1916 г. После кратковременного спада поднялась новая волна выступлений в октябре, которая распространилась до районов тыловых работ.

Во-вторых, выступления масс стали приобретать новые социальные, политические и организационные черты. Они выражались прежде всего в том, что в отличие от летних выступлений, в которых стихийно и разрозненно участвовали почти все слои населения, состав выступавших стал в целом социально однородным: большинство «тыловиков» состояло из трудовых крестьян и ремесленников, которые и явились основной силой освободительного движения. Резкий контраст между дальнейшим обогащением наживавшихся на войне феодально-капиталистических элементов и развалом хозяйств «тыловиков», усилением их нищеты, голодом и тяжелым трудом еще более углубил классовый антагонизм, социальное размежевание, усилил их ненависть не только к царизму и русской буржуазии, но и к местным эксплуататорам.

В-третьих, ширилась борьба мобилизованных трудящихся против царизма и местных эксплуататоров, принимавшая вначале форму индивидуального и группового невыхода на работу, затем — стачек и забастовок и, наконец, самовольного отъезда домой.

Все это, говоря словами В. И. Ленина, сыграло роль одного из ферментов, активизировавших классовую борьбу пролетариата против царизма, российского империализма. В резерв революционного пролетариата включаются новые силы в лице трудящихся масс национальных окраин, и это объективно ослабляло позиции самодержавия.

Десятки тысяч «тыловиков» прошли большую и суровую школу острой классовой борьбы и закалились в ней политически. Тесное общение их с русскими рабочими, а местами и совместные выступления значительно повысили уровень их классовой сознательности, сблизили их освободительное движение с общероссийским революционным движением, подготовили к грядущим событиям Февраля и Великого Октября.

М. Ф. Ваҳобов

**1916 йил қўзғолони — туркистон халқлари озодлик
ҳаракатидаги кескин бурилиш**

Урта Осиё ва Қозғистон халқларининг 1916 йилдаги қўзғолонинг 70 йиллигига бағишланган ушбу мақолада оммавий ҳаракатнинг

муҳим аспектлари ифода этилган. Асосий эътибор чоризм зулмидан эзилган халқлар курашининг янада ривожланишида маъқур қўзғолоннинг тарихий аҳамиятига ҳамда унинг Россия пролетариати революцион ҳаракати билан яқинлашиши ва қўшилиб кетишига қаратилган.

С. М. НАМАЗОВ

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В САМАРКАНДСКОМ УЕЗДЕ

Одним из основных очагом восстания 1916 г. была Самаркандская область, в частности Самаркандский уезд, где, как и во всем крае, к тому времени накопилась масса «горючего материала», и достаточно было лишь искры, чтобы разгорелось пламя народного освободительного движения. Такой «искрой» и послужило острое недовольство масс царским указом от 25 июня 1916 г. о мобилизации мужского «инородческого населения» на тыловые работы.

Империалистическая война резко усугубила и без того крайне тяжелое положение народных масс Средней Азии, задавленных двойным колониально-феодальным гнетом.

В 1900 г., например, в Самаркандском уезде государственный налог с орошаемых земель составлял около 692 408 руб.¹ В 1904 г. в области взималось 8 видов налогов на общую сумму до 1 841 838 руб.² За годы первой русской революции налоги в Самаркандском уезде увеличились в 8—10 раз³.

На коренное население тяжелым грузом ложились также многочисленные натуральные повинности, как исправление и чистка ирригационных сооружений, ремонт и строительство дорог, мостов и т. д. Разного рода поборами занималось и местное духовенство. При этом сплошь и рядом допускались всяческие злоупотребления.

Основные плодородные земли находились в руках феодалов, баев-ростовщиков, царских чиновников. В 1907 г. в Самаркандской области было 44 872 безземельных хозяйства — 21% всех хозяйств; 35% хозяйств имели лишь по десятине земли⁴.

Свой «вклад» в ограбление трудящихся масс вносили банки, хлопковые, торговые и прочие фирмы российской буржуазии и местных предпринимателей.

Вступление царской России в первую мировую империалистическую войну еще более ухудшило положение трудового народа. Непрерывно росли цены на основные продовольственные продукты, а ввоз хлеба в Туркестан резко сократился. Был введен новый налог «на нужды войны», которым облагалось коренное население. До ноября 1914 г. в Самаркандской области от сбора его поступило более 19 557 руб.⁵

Процесс углубления классовой дифференциации все шире охватывал и кишлак. Даже туркестанский генерал-губернатор признавал, что «образовалась небольшая группа очень богатых туземцев наряду с обедненными мелкими землевладельцами. Происходит скупка земель богатыми туземцами, увеличивая число безземельных»⁶.

В широких массах усиливалась ненависть к царизму, эксплуататорским классам, росло недовольство трудностями и лишениями, вызванными чуждой народу грабительской войной.

В этих условиях указ от 25 июня 1916 г. стал последней «каплей», переполнившей чашу народного гнева. Ведь он грозил новым

¹ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 5616, л. 28.

² Обзор Самаркандской области за 1904 г. Самарканд, 1905. С. 54. Прил. 14.

³ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 86.

⁴ Убайдуллаев С. Революционное движение народов Средней Азии 1907—1910 гг. Ташкент, 1967. С. 20.

⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 2, д. 1257, л. 86.

⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 94.

невзгодами для тысяч и тысяч хозяйств, лишившихся самой трудоспособной части мужского населения, причем по существу касался лишь угнетенных масс, особенно зерноводческих и кочевых районов. В частности из Самаркандской области было намечено отправить на тыловые работы 38 тыс. человек⁷, в том числе из Самаркандского уезда — 13 900⁸.

Указ был объявлен в самый разгар полевых работ, когда все рабочие руки были заняты, особенно в зерновом хозяйстве, где в июле начинается сбор урожая. Мобилизация сопровождалась всякого рода злоупотреблениями и насилиями. Имущее население откупалось от набора, баи выставляли вместо своих сыновей арендаторов-издольщиков, батраков и т. д. Все это вызвало взрыв народного возмущения.

Волнения начались в Ходженте сразу же после объявления 4 июля о составлении списков «тыловиков». В толпе было много женщин, подростков, детей, которые кричали: «Не дадим рабочих!»⁹

Ходжентские события стали сигналом к массовому восстанию не только в Самаркандской области, но и во всей Средней Азии и Казахстане.

Уже 5 июля в сел. Ургут Самаркандского уезда собралась почти двухтысячная толпа, потребовавшая от пристава уничтожения составленных списков. Пристав ответил отказом. Тогда «народ с криком ворвался в канцелярию, уничтожил списки и избил мирзу и пятидесятников»¹⁰.

Военный губернатор попытался запретить всякие сходки. Однако народ игнорировал эти распоряжения. 7 июля крупные волнения произошли в Дагбитском участке Самаркандского уезда. Большая толпа собралась на базарной площади. Многие были вооружены палками и проч. Они потребовали у волостного мирзы Саид Мурода Мирза Кабылова выдать списки «тыловиков». Он отказался, но затем, «видя враждебное отношение толпы, волостной управитель Хайдар Касымджанов отдал составленные списки. Народная толпа этим не удовлетворилась. Местная администрация попыталась успокоить народ, но ни волостной управитель, ни народный судья ничего не могли сделать»¹¹. Выйдя из возбужденной толпы, мулла Усман Абдурасулов бросился на Кабылова и закричал: «Бейте!» Народ набросился на мирзу и волостного управителя Касымджанова. Кабулов был убит, Касымджанов тяжело ранен.

Активное участие в восстании наряду с У. Абдурасуловым приняли Годай Абдукадыров, Азизкул Мурадов, Мухтар Хафизов и др.¹²

Для подавления дагбитского восстания из Самарканда властям пришлось отправить 150 казаков¹³.

8 июля жители Ишим-Аксацкой волости тоже возбужденно обсуждали набор тыловых рабочих. Лишь известие о том, что в Дагбит прибыли казаки, заставило народ разойтись.

11 июля в сел. Джумабазар собралось около 4 тыс. человек. Они решили рабочих не давать. И в Самарканде жители требовали от военного губернатора прекращения набора рабочих. Но в городе было много царских войск, казаков и полиции. Поэтому возбужденный народ вынужден был разойтись. Однако многие оставили свои дома и укрылись в горах, чтобы избежать отправки на тыловые работы. «Пенджикентская дорога была сплошь полна такими беглецами», — с тревогой писал военный губернатор области Лыкошин.

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1100, л. 121 об.

⁸ Там же, д. 1207, л. 21.

⁹ Восстание 1916 года... С. 77.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 8974, л. 37.

¹¹ Восстание 1916 года... С. 112.

¹² Там же.

¹³ Турсунов Х. Указ. соч. С. 223.

Народные выступления отмечались в Пенджикентской, Даульской, Янги-Казан-Арыкской, Махаллинской, Каратюбинской, Чашмаобской¹⁴, Афтобруинской, Кштутской¹⁵ волостях.

Во второй половине июля помощник военного губернатора области Папенгут в донесении и. о. генерал-губернатора Туркестанского края Ерофееву отмечал, что «ярких выступлений не было, но везде идут совещания»¹⁶.

В конце июля жители сел. Ак-Мечеть Махаллинской волости также выступили против составления списков; они едва не убили волостного управителя и народного судью, которым еле удалось бежать¹⁷.

С 17 июля 1916 г. царским властям пришлось ввести в Туркестане военное положение. На подавление народного восстания были направлены карательные отряды. Начались массовые аресты восставших. Были организованы специальные военные суды по делам восставших. В Самаркандской области было создано два таких судебных органа — в Самарканде и Джизаке¹⁸. Многие участники восстания были преданы смертной казни, отправлены на каторгу и в тюрьмы.

Восстание было подавлено. Однако оно стало для угнетенных масс края подлинной школой классовой борьбы.

Как подчеркивал В. И. Ленин, «только в опыте революционных движений... массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев и подготовят тем общий натиск...»¹⁹ И грянувший вскоре Великий Октябрь убедительно подтвердил правоту этих слов.

С. М. Номозов

САМАРҚАНД УЕЗДИДАГИ 1916 ЙИЛ ҚЎЗҒОЛОНИ

Мазкур мақолада конкрет материаллар асосида Самарқанд уездидаги — 1916 йил қўзғолони марказларидан биридаги — халқ намойишлари баён қилинган.

¹⁴ Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916 — май 1917). Ташкент, 1957. С. 24.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1140, л. 50.

¹⁶ Восстание 1916 года... С. 127.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1132, л. 154.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 56.

Д. ЗИЯЕВА

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ВОССТАНИИ 1916 ГОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Шесть десятилетий прошло со времени народного восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, но внимание советских историков к нему не ослабевает.

К настоящему времени сложилось единство мнений ученых о причинах, характере, этапах, специфических чертах, историческом значении этого сложного массового движения, продолжавшегося более полугодя и охватившего обширный регион, в разных частях которого существовали различные социально-экономические условия, что отражалось на специфике движения в каждом районе.

Однако единое правильное мнение о сути и характере этого восстания утвердилось лишь после многолетних и коллективных изысканий ученых, творческих дискуссий, в ходе которых приходилось преодолевать ряд ошибочных, неверных концепций, вновь и вновь обращаться к богатому документальному материалу источников¹.

¹ Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. Его же. Ўзбекистонда 1916 йил халқ қўзғолонлари. Тошкент, 1967;

Большой интерес представлял первый, начальный этап изучения вопроса (20 — середина 30-х годов), характеризовавшийся противоречивыми, взаимоисключающими, зачастую неверными концепциями о характере, движущих силах и сущности восстания 1916 г.

Литература 20-х годов представлена в основном в виде научных сообщений и статей.

Самые первые публикации о восстании 1916 г. появились в 1924 г. на страницах журнала «Новый Восток». В пятом номере журнала была помещена статья З. Миндлина, который ошибочно определил суть восстания как движения панисламистского характера. Он утверждал: «...Ненависть к русскому народу и правительству вообще, взоры масс киргизских к Востоку и желание победы туркам, но отнюдь не России послужили тем фоном, на котором призыв на военную службу сначала ошеломил, а потом вызвал открытое восстание»². Из-за неправильного определения характера движения неверно был освещен и ход его.

За этой статьёй последовали еще две статьи о восстании 1916 г., авторами которых были Г. И. Бройдо и Т. Рыскулов.

Г. И. Бройдо выдвигает теорию «провокации», т. е. пытается убедить в том, что «восстание было результатом провокационной деятельности всей администрации, ...направленной к тому, чтобы вырезать киргизское население и очистить земли для дальнейшей колонизационной деятельности правительства». Автор пришел к такому выводу, не учитывая закономерного характера национально-освободительного движения угнетенных народов и реакционную сущность всей политики царского правительства, которое и без подобной провокации осуществляло свою явно колонизаторскую деятельность. И естественно, что, не поняв сущности восстания, Г. И. Бройдо не увидел его особенностей и характерных черт; в частности, он отрицает антивоенный характер восстания. «Восстания против войны,— пишет он,— как такового, чем многим хотелось бы объяснить этот «бунт», не могло быть в силу хотя бы низкого уровня политического развития киргиз, которые плохо даже знают, кто с кем воюет»³. Таким образом, автор недооценивал политическую сознательность народов Средней Азии.

Т. Рыскулов правильно отмечал, что приказом о мобилизации царизм пытался использовать даровой и «более безопасный» рабочий материал для тыловых работ и в то же время высвободить русских рабочих и крестьян, занятых на этих же работах, чтобы направить их непосредственно на фронт. Он писал: «Главнейшие причины, толкнувшие туземное население Туркестана на это восстание против царской колониальной деспотии, заключались именно в тех глубоких экономических и политических противоречиях, которые создались в результате безудержной колониальной эксплуатации царизмом Туркестана в течение 50-ти лет своего владычества...»⁴. Вместе с тем Т. Рыскулов повторяет ошибку Г. И. Бройдо, придерживаясь «теории» провокации, и тем самым противоречит своему же высказанному выше мнению. Он выдвигает тезис «плацдарма», согласно которому «восстание 1916 года было якобы заранее задумано царизмом в качестве предлога для ввода большого количества царских войск в пределы Средней Азии в целях подготовки к дальнейшим завоеваниям в Афганистане и Западном Китае»⁵.

Следует сказать несколько слов и о работе А. Миклашевского. Повторяя ошибку З. Миндлина, он пишет, что «движение в целом но-

Сулейманов Б. С. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977; Усенбаев К. Восстание 1916 г. в Киргизии. Фрунзе, 1967; и др.

² Миндлин З. Киргизы и революция// Новый Восток. М., 1924. Кн. 5. С. 221.

³ Бройдо Г. И. Материалы по истории восстания киргиз в 1916 году// Новый Восток. 1924. Кн. 6. С. 434.

⁴ Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока// Новый Восток. 1924. Кн. 6. С. 268.

⁵ Там же. С. 287.

сило национальный характер борьбы»⁶. Правильно отмечая, что «только масса населения придала «беспорядкам» всю характерную для них силу и весь размах»⁷, он допустил, однако, путаницу в определении роли состоятельных групп в выступлениях в Семиречье: «Богатеи степей шли вместе с массой, вместе с батраками и даже ими руководили»⁸. Таким образом, затушевывается реакционная роль манапов в восстании.

Более подробно о восстании 1916 г. говорится в книге Е. Федорова «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии». Автор дает краткий обзор небольшой к тому времени литературы вопроса, в частности указанных выше работ Г. Бройдо и Т. Рыскулова. Подвергая критике теории «провокации» и «плацдарма», он пишет: «Царскому правительству незачем, да и не выгодно было провоцировать восстание для захвата киргизских земель под колонизационный фонд или для ввода войск с целью новых завоеваний, так как царизм и без всякого предлога осуществлял подобные мероприятия»⁹.

Правильно определив восстание как массовое антиколониальное, антифеодальное движение, автор подчеркивает, что мобилизация была проведена в интересах помещиков и фабрикантов.

Е. Федоров пытался дать общую картину хода восстания, но именно в этом вопросе он допустил путаницу. Например, восстание в Ферганской долине он считал лишь «местным бунтом», тогда как «в Ферганской долине, где классовые противоречия были значительно сильнее, в восстании участвовали более широкие слои трудящихся масс кишлака и города»¹⁰.

Далее Е. Федоров пишет: «В Самаркандской области движение носило более организованный характер, чем в других районах, это объясняется тем, что в движении принимали участие и богатые, почетные лица. Руководителями повстанцев выступают побежденные кандидаты на последних выборах, как это было в Калькурганской волости»¹¹. Между тем именно те выступления, во главе которых шли богатые и «почетные» лица, носили реакционный характер, проходили под лозунгом «газавата».

Говоря о значении восстания, автор отметил лишь, что «поражение восстания, «эмиграция» десятков тысяч людей на тыловые работы... обессилили бедноту, и это сказывалось на трудностях в завоевании Советской власти в крае»¹².

Таким образом, вне поля зрения автора осталось огромное значение восстания в революционизировании широких трудящихся масс коренного населения края. Участвуя в нем, они прошли большую школу классовой борьбы. Восстание показало, что только в союзе с пролетариатом они могут победить своих классовых врагов. А пребывание десятков тысяч людей на тыловых работах в России среди русских революционных рабочих и солдат способствовало росту их классового самосознания. Не случайно они стали впоследствии активными участниками борьбы за установление и упрочение Советской власти.

Около 20 статей и научных сообщений были опубликованы в 1926 г. в связи с десятилетием восстания. Вышел в свет и ряд брошюр. Большинство из них написаны на основе воспоминаний и рассказов очевидцев и непосредственных участников событий. Здесь допускалось неверное, поверхностное освещение сущности и характера

⁶ Миклашевский А. Социальные движения 1916 года в Туркестане// Былое. Л., 1924. № 27, 28. С. 255.

⁷ Там же. С. 258.

⁸ Там же. С. 256.

⁹ Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925. С. 55.

¹⁰ Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. ... С. 278.

¹¹ Федоров Е. Указ. соч. С. 70.

¹² Там же.

движения, повторялись отмеченные выше ошибки. Однако некоторые из этих публикаций полезны тем, что в них приводятся интересные факты.

Взять, к примеру, работу А. Брискина «В стране семи рек». Автор не пытался дать фундаментальное освещение восстания 1916 г. в Семиречье. Книга написана на основе рассказов, воспоминаний представителей трудового народа, некоторых официальных документов царского правительства и впечатлений автора, путешествовавшего по Семиречью через восемь лет после восстания. В ней мы находим немало интересных фактов, в частности о преследованиях участников восстания, их попытках спастись от карателей бегством за границу, скитаниях в Китае и возвращении на Родину после свержения царизма. На основе официальных статистических данных показано, какие потери понес киргизский народ в результате мобилизации и кровавой расправы царских сатрапов над восставшими. Однако автор неверно определил характер восстания, считая его националистическим движением, возникшим «в эпоху Балканской войны, когда в воздухе носились панисламистические идеи»¹³.

К числу работ, написанных на основе официальных документов, относится статья И. Чеканинского¹⁴, в которой автор из-за некритического подхода к имеющимся материалам не сумел воссоздать истинную картину восстания в Семиречье, высказал ряд ошибочных положений. Но работа имеет и положительные качества. В частности, в ней на ярких примерах раскрывается колонизаторская политика царского правительства, пытавшегося восстанавливать один народ против другого; рассказывается о добрососедских отношениях киргизского народа с русскими крестьянами, приводятся факты о сочувственном отношении жителей русских сел к восставшим киргизам. Автор правильно подчеркивает, что «восстание имело громадное значение, пробудило революционность и политический перелом в настроениях народов Средней Азии»¹⁵.

Публиковались и архивные материалы. В журнале «Красный архив» были помещены (с предисловием А. Чулошникова) 6 архивных документов, основу которых составляют донесения, отчеты военных губернаторов¹⁶. В их числе — протоколы «частного совещания» киргизов Тургайской, Акмолинской, Уральской и Семипалатинской областей, состоявшегося 7 августа 1916 г. в Оренбурге, и памятная записка о киргизах, предназначавшаяся, видимо, для представления в Государственную думу. «Эти два документа, — пишет автор, — вышедшие из рук либеральной казах-киргизской интеллигенции, интересны также как источники, отражающие настроение этой последней»¹⁷.

В статье К. В. Харламповича, написанной на основе воспоминаний и рассказов очевидцев, тургайские события представлены в извращенном виде. Например, автор пишет: «...К восстанию примкнули богатые так же, как и бедные. Тургайская степь относилась к восстанию не по имущественному положению, а по родам и поколениям»¹⁸. Однако именно в Тургае, где события протекали наиболее длительно, упорно и организованно, бан нередко сколачивали и свои отряды для борьбы с повстанцами. Например, в урочище Майлисор произошел открытый бой между повстанческой группой и отрядом местных баев, что подтверждает классовый характер восстания в Тургайском уезде.

¹³ Брискин А. В стране семи рек: Очерки современного Семиречья. М.; Л., 1926. С. 3.

¹⁴ Чеканинский И. Восстание киргиз-казаков и кара-киргизов в Джетусайском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года // Общество изучения Казахстана. Кзыл-Орда, 1926.

¹⁵ Там же. С. 125.

¹⁶ Чулошников А. К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. Т. 16 (3). М.; Л., 1926.

¹⁷ Там же. С. 54.

¹⁸ Харлампович К. В. Восстание тургайских казах-киргизов (1916—1917) // Общество изучения Казахстана. С. 45.

Вне поля зрения автора остались подлинные вожди тургайских событий — Амангельды Иманов и Алиби Джангильдин. Руководящую роль в восстании автор приписывает крупному скотовладельцу, феодалу Абдулгафару Жамбусинову, который с корыстной целью примкнул к восстанию, пытаясь направить его в антирусское русло, но вскоре народ понял это и лишил его своей поддержки.

В брошюре Ф. Божко¹⁹ правильно подчеркивается, что основной движущей силой восстания были скотоводы и дехкане-земледельцы. Но автору не удалось вскрыть предательскую и реакционную позицию имущих классов, которые или препятствовали широкому размаху движения, активно помогая царскому правительству в осуществлении планов мобилизации и усмирении восставших, или тянули движение назад, стараясь придать ему националистическую, реакционную окраску, рассчитывая на восстановление былых своих привилегий.

Этот недостаток свойствен и многим другим работам, в том числе статье Т. Рыскулова, включенной в «Очерки революционного движения в Средней Азии». Отмечая, что «туземная администрация и туземная буржуазия поспешили изъявить свою покорность и верность приказам белого царя»²⁰, он тут же пишет, что «были случаи, когда родовые руководители и даже волостные (например, сыновья Шабдан Жантаева во главе повстанцев Пишпекского и Пржевальского уездов) оказались в рядах и во главе повстанцев», боясь «оторваться от масс или рода, ибо в противном случае последние разгромили бы их как «изменников»²¹. Но дело было не в их «боязни», а в стремлении восстановить свои привилегии. Автор правильно определил позицию национально-либеральной интеллигенции, которая была «выразительницей идеологии и стремлений по существу киргизских имущих классов и часто занимала высокие должности в царской администрации». Вместе с тем он совершенно неправильно охарактеризовал отношение русских рабочих к восстанию 1916 г.²²

В этой связи следует подчеркнуть, что восстание 1916 г. возникло не без влияния общего подъема революционного движения в стране. Можно сослаться и на такие факты. В 1916 г. большевики Кустаная выпустили на казахском языке прокламацию под заглавием «Баи в союзе с русским царем готовятся к пролитию казахской крови», в которой призывали казахских трудящихся к борьбе с самодержавием совместно с русским рабочим классом под руководством партии большевиков. Прокламации распространялись и во время восстания²³.

Использованные в указанной работе факты и сделанные там выводы Т. Рыскулов в сущности воспроизвел в своей книге, изданной в 1927 г.²⁴

Ошибочные суждения, высказанные в этих и ряде других публикаций, вызвали справедливые критические замечания.

В связи с десятилетием восстания и в целях правильной оценки его характера отдел изучения истории партии при Средазбюро ЦК ВКП(б) организовал на страницах журнала «Коммунистическая мысль» дискуссию о характере восстания 1916 г. Открывала ее статья И. Меницкого. Отчасти ее можно назвать и рецензией на работу Т. Рыскулова «Восстание туземцев в Туркестане в 1916 г.». И. Меницкий правильно констатирует, что название статьи не отражает классовую сущность восстания. «В событиях 1916 года,— пишет он,— мы име-

¹⁹ Божко Ф. Восстание 1916 года в бывшем Туркестане. Ташкент, 1926.

²⁰ Рыскулов Т. Восстание туземцев в Туркестане в 1916 г.// Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1925. С. 118.

²¹ Там же. С. 7, 118.

²² См. там же. С. 122.

²³ Сулейманов Б. С. Указ. соч. С. 63.

²⁴ Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927

ем выступление угнетенных классов с протестом против гнета невыносимой эксплуатации как своей туземной буржуазии, так и равно всех других эксплуататоров, без различия национальностей, и русской администрации, как защитника этих эксплуататоров»²⁵. Однако далее, исследуя причины восстания, автор по существу отрицает факт эксплуатации угнетенных царизмом народов Туркестана и, таким образом, противоречит своему же выводу о классовом характере восстания.

Классовый характер восстания отрицался и в статье Ю. А. Абдурахманова²⁶, ссылавшегося при этом на отсутствие поддержки восстания со стороны русских рабочих края.

Т. Рыскулов и Ю. А. Абдурахманов интересы русских переселенцев в целом противопоставляли интересам «туземного населения» вообще. Они видели в переселенцах только колонизаторов, не замечая классовую дифференциацию в их среде.

С тезисами о восстании 1916 г. выступил на дискуссии Е. Федоров²⁷. Выводы тезисов совпадают с положениями его книги «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии», о которой уже говорилось выше.

Одним из участников дискуссии был П. Галузо. В его работе роль и позиции различных социальных слоев в восстании определялись с точки зрения их экономического положения, взаимоотношений и интересов, и в целом были сделаны правильные выводы²⁸. Так же правильно определяется массовый, классовый, стихийный характер восстания в представленной на дискуссии работе Н. Кузьмина. Он подверг критике некоторые ошибочные высказывания Т. Рыскулова о характере восстания²⁹.

Немало ошибок содержится и в последующей статье Т. Рыскулова, где он попытался ответить на критику участников дискуссии в его адрес. Если ранее он объявлял восстание 1916 г. «националистическим» движением, то здесь он оценивает его как революционное движение, направленное против империализма. Заодно же он без всяких оснований националистические движения «алашордынцев» и джадидов определил как революционное движение, «которое после Октябрьской революции и при системе Советской власти становится реакционным» (?)³⁰

Среди представленных на дискуссии работ особое место занимает статья А. В. Шестакова, в которой выдвигается правильный метод — дифференцированный подход к изучению вопроса. «Поскольку движение рассматривается недифференцированно, — писал он, — как это делают многие дискуссионеры в «Коммунистической мысли», ...постольку получается большая путаница в определении движущих сил и характера восстания. Колониальная политика царизма выявлялась в различных формах и говорить надо... в зависимости от отдельных районов и форм эксплуатации местного населения, что в свою очередь определялось хозяйственными и социальными условиями, в которых находилось население того или иного района восстания»³¹. Подходя к вопросу с таких позиций, автор первым сумел строго отличить в восстании 1916 г. реакционные моменты от подлинно народных выступ-

²⁵ Меницкий И. О характеристике событий 1916 г. в Туркестане// Коммунистическая мысль. 1926. Кн. 6. С. 151.

²⁶ Абдурахманов Ю. По поводу статьи И. Меницкого// Там же. С. 155—157.

²⁷ Федоров Е. О восстании 1916 г. в Туркестане// Там же. С. 161—167.

²⁸ Галузо П. 16 год и как следует о нем думать?// Там же. С. 167—172.

²⁹ Кузьмин Н. О марксистском понимании восстания 1916 года// Там же. С. 183—193.

³⁰ Рыскулов Т. Еще раз о характере восстания в Средней Азии в 1916 г.// Там же. 1927. Кн. 4. С. 146.

³¹ Шестаков А. В. Спорные вопросы о восстании 1916 года в Средней Азии// Там же. С. 136.

лений³². А. В. Шестаков указал и на необходимость учета классовой дифференциации среди русских переселенцев.

На этом дискуссия завершилась. Несмотря на целый ряд недостатков, она имела в целом большое значение для дальнейшего изучения истории восстания 1916 г., ибо внесла некоторую ясность в оценку вопроса и указала на необходимость более глубокого и капитального его исследования.

Так начинался своеобразный и долгий путь разработки истории восстания 1916 г., богатая и многогранная историография которого в полном объеме заслуживает ныне специального изучения в монографическом плане.

Д. Зиёева

**УРТА ОСИЕ ВА ҚОЗОҒИСТОН 1916 ЙИЛГИ ҚЎЗҒОЛОН ҲАҚИДАГИ
БИРИНЧИ НАШРЛАР**

Мақола 1916 йил қўзғолони тарихшунослигини ишлаб чиқишга бағишланган. Муаллиф мазкур масала ўрганилишининг илк босқичини — асосан илмий мақола ва хабарлардан, шунингдек, қўзғолон иштирокчилари ҳамда шоҳидлари эсдаликлари асосида ёзилган бир қанча рисоаларни — 20 йиллар адабиётини таҳлил қилган.

³² Там же. С. 140.